

Валерий Поволяев

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Коллекция военных приключений

Валерий Поволяев

Дымовая завеса (сборник)

«ВЕЧЕ»

1987, 2017

Поволяев В. Д.

Дымовая завеса (сборник) / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ», 1987,
2017 — (Коллекция военных приключений)

ISBN 978-5-4484-7304-3

Бывших пограничников не бывает. Широков, казалось бы, отслужил свое, вышел в штатские. На границе в его отряд пришел новый начальник и решил, что Широков ему не нужен – стар уже, дескать, остроту нюха потерял, так что пора переселяться на огородные грядки. Но при неожиданном столкновении с дерзким нарушителем бывшие навыки сразу напоминают о себе... А герой повести «Лисица на пороге» капитан Балакирев и его коллеги встают на пути давно укрывающихся от правосудия опасных преступников.

ISBN 978-5-4484-7304-3

© Поволяев В. Д., 1987, 2017

© ВЕЧЕ, 1987, 2017

Содержание

Дымовая завеса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Поволяев

Дымовая завеса

* * *

© Поволяев В. Д., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Дымовая завеса

Широков остановился у столба, к которому было прикреплено набранное на пишущей машинке – редкость в наши дни – объявление: «Собачьи бои. Приглашаем все породы».

– Собачьи бои, – прочитал он вслух, – все породы. – Под глазом у него задергалась какая-то мелкая жилка, через несколько мгновений дрожь улеглась. – Собачьи бои, – прочитал он снова и, хмыкнув что-то неопределенное, прошел по припыленной жесткой тропке к небольшому загону с гостеприимно распахнутой дощатой дверью.

Сам загон тоже был дощатый – сколочен по принципу забора, доска впритык к доске, дверь охранял плечистый господин с широкой челюстью, разрезанной глубокой поперечной ложбиной, других примет, на которые можно было бы обратить внимание, у господина не было, кроме, может быть, театрального чепрачка, спадающего сзади на шею.

Чепрачок был связан из четырех десятков жидких курчавых волосков и перетянут цветной дамской резинкой.

– Почем билет? – поинтересовался Широков.

– Берем по штуке, – лениво отозвался чепрачок. – Собачьи бои – зрелище редкое.

Широков достал из кармана зелененькую «штуку» – тысячерублевую бумажку и, колеблясь, отдал чепрачку. Может быть, эти деньги пойдут на корм собакам – все польза будет животному миру... Очень хотелось, чтобы так оно и было.

– Правильно поступил, камрад, – сказал чепрачок, – такого ты даже в Большом театре не увидишь. Не говоря уже о Малом.

Однако! Широков не выдержал, усмехнулся: вона, в этой глуши даже незапатентованный чепрачок, который еще вчера был занюханным трактористом в каком-то малоразвитом среднеазиатском хозяйстве, где, кстати, работали и немцы (иначе откуда взяться слову «камрад»), знает, что есть Москва, а в ней – два театра, самых главных в стране, Большой и Малый. Впрочем, в стране уже бывшей, Советского Союза нет, успешно развалили...

Чепрачок удивленно распахнул свои маленькие черные глаза – клиент, не задумываясь, выложил «штуку», а в загон зайти и занять место не торопится, медлит... А чего, спрашивается, медлит? Может, в этом кроется какая-нибудь подстава?

Но какая подстава может грозить бизнесу бывшего колхозного тракториста? Ни один милиционер, даже самый злобный, к нему не придерется, не сможет просто – зацепиться будет не за что, ни одного сучка нет.

– Чего не проходишь, камрад? – спросил чепрачок. Тон его голоса был не только удивленным, но и обиженным: ему показалось, что человек этот усомнился в подлинности собачьих боев, черные глаза-маслины у него сжались, становясь маленькими, словно две спелые ягоды-смородины.

Широков молча прошел в загон.

В деревянном загоне был сколочен еще один загон, меньше размером и ниже, с защитным заборчиком – как понял Широков, заборчик был сделан специально, чтобы какой-нибудь ополоумевший пес не мог вместо врага своего – другого пса, – броситься на зрителей.

Народа в загоне набралось уже довольно много. Широков покачал головой: не думал, что столько бездельников вместо того, чтобы зарабатывать тугрики на реке, добывать рыбу, вязать неводы и обеспечивать свои семьи едой, могут сбиться в загоне, чтобы поглазеть на собачью кровь... Тьфу! Впрочем, тьфукай не тьфукай, он сам такой же, ничем не лучше возбужденно галдящих мужичков, столпившихся у защитного забора.

Хотя все-таки не такой, как они – капитан-пограничник Широков отслужил свое, недавно вышел в штатские. Или в «штрюцкие», как когда-то любил выражаться писатель Куприн Александр Иванович. На границе в его отряд, называемый ныне просто отделом, пришел новый

начальник и решил, что Широков ему не нужен – стар уже, дескать, остроту нюха потерял, так что пора переселяться на огородные грядки. Имелись и другие причины.

Оформил Широков бумаги и переселился. Хотя огорода у него не было. Как и жены не было: Анечка Широкова погибла двадцать лет назад в Средней Азии, когда на заставу их налетел отряд ваххабитов. Хотели басурмане превратить заставу в яичницу, да только из затей той ничего не вышло.

Застава потеряла половину своего состава, но границу удержала и сама удержалась. В бою том неравном погибла и жена замбоя – заместителя начальника заставы по боевой части Олега Широкова.

Вторую жену Широков себе не нашел – таких, как Анечка, на белом свете больше не было, – так и остался он холостякующим вдовцом.

В уши назойливо полезли обрывки разговоров – в основном, на собачью тему, эмоциональные возгласы, всхлипывания, перешептывания, мат, ахи, чохи, бормотание под нос... «Цирк, и только, – невольно подумал Широков и отошел от заборчика, – не хватает лишь попугаев, играющих на дудках, крокодила, раскуривающего вонючую сигару, и говорящей лошади...»

В загоне имелась и «артистическая» комната – совсем маленькая, прочная, с калиткой, запирающейся на деревянную вертушку. Около калитки этой стоял дюжий белобрысый мужик в засаленной теплой шляпке, едва державшейся на его макушке, и мял в здоровенных конопатых руках кожаный поводок.

На поводке сидел, чуть сторбившись, крупный, с недоумевающей физиономией и растерянными глазами пес, – как определил Широков, овчарочей породы, но не чистой, – являл собою смесь среднеазиатской овчарки с овчаркой русской. И с теми и с другими Широкову доводилось иметь на границе дело. Собаки умные, послушные, в отличие от «двортерьеров» и комнатных шавок никогда не оставляющие своего хозяина в беде.

Масть у пса была сложной, двухцветной: низ волоса был темнее, верх светлее. Еще у пса было что-то от волка, но что именно – без компота, разбавленного стаканом водки, не разберешь.

Даже опытные спецы-кинологи и охотоведы не всегда могут отличить собаку от волка, особенно, если зверь двухпometный, имеет примесь собачьей крови и наоборот... Иногда на глаза попадает матерый, дородный, с накачанным телом и беспощадным желтым взглядом волк... Естественно, всякий охотник сразу хватается за оружие – волка упускать нельзя.

А потом, когда зверь уже лежит, дергает лапами, отходя в верхний мир, начинает народ разбираться, что к чему, оказывается – это собака, а не волк.

Точно породу можно определить только по длинному остевому волосу, растущему на холке. Надо выдрать несколько волосков и тщательно рассмотреть их. Если на волосе внизу присутствуют три полосы, значит, это волк, если полосок две – собака.

Других отличий нет, только это – вот как, оказывается, близки звериные души, собачья и волчья. Еще их отличает, конечно, ненависть, которую волк испытывает к собаке.

Ненавидит он ее за то, что ушла собака из общей стаи к человеку, нырнула под его крыло, вот и считает волк это предательством. И собака поджимает хвост, боится волка – тот в любой миг может ей отомстить за прошлое и всадить клыки в горло.

Очень непростые отношения сложились у собаки с волком и, похоже, дружбы у них не будет уже никогда, – так считал Широков.

Народа тем временем набилось в загон уже много – тесно стало, все возбужденные, горластые, подвыпившие, – и все жаждут собачьей крови. Широков повнимательнее рассмотрел физиономию мужика в засаленной шляпке-маломерке – не понравился ему этот не самый лучший сын давно угасшей перестройки.

Во-первых, на пса своего он старался не смотреть – значит, все, расстался с ним, предал, а во-вторых, глаза у него бегали, как шарики в качающемся подшипнике: туда-сюда, туда-сюда, на месте не стояли и главное, на верном своем псе не задерживались... М-да, картина маслом. Как в том фильме.

Интересно, как зовут пса? Рекс, Лайм, Джек, Грей или все-таки как-нибудь по-русски: Шарик, Трезор, Тарзан, Тихоня? Впрочем, вряд ли такого пса можно назвать Тихоней – на Тихоню он очень не похож. Широков почувствовал, как у него сам по себе задержался уголок рта. Один уголок, левый, на той стороне, где находится сердце. Он еще раз взгляделся в лицо хозяина обеспокоенного пса.

Как узнать, почему этот человек решил избавиться от собаки? Нет денег на жизнь или же не может потчевать своего питомца достойной едой – мясом с мозговыми косточками и свежей печенкой? Или хочет заработать несколько тысяч рублей на бензин для машины и на новое платье для жены?

В это время на площадке появился откормленный, с блестящей короткой шерстью питбульерьер. Широков знал и питбульерьеров. Опасные собаки. Клыки страшные. Если питбуль сожмет их, то разжать можно будет только топором. Или с помощью домкрата.

Короткие стоячие уши, цепкий кусачий взгляд, готовно оскаленные зубы – сделал питбуль это заранее: старый разбойник, он хорошо знал, что будет происходить в этом загоне, как знал и то, что сегодня ему придется хлебнуть чужой крови.

Ни боев, ни драк, ни увечий он не боялся, что же касается смерти, питбуль вообще не знал, что это такое, боли никогда не ощущал, драться был готов с кем угодно, даже с носорогом: на лопатки он его, конечно, не положит, но дырку в брюхе точно прогрызет и полакомится жирной печенкой. Чего-чего, а печенку носорога он еще никогда не пробовал. Попробовать было бы недурно.

Питбуля никто не сопровождал, никто не висел над ним, не подергивал поводок, не делал козью морду, как хозяин овчарки смешанной породы. И где только этот мужичок обзавелся такой древней шляпкой, в каких городах-весьях? Ее неплохо бы наштукатурить гуталином – тогда смотрелся бы головной убор, как кожаный.

Стоявший рядом с Широковым невысокий дядечка с испытанным лицом – из породы школьников, которые до семидесяти пяти лет так школьниками и остаются (маленькая собачка до самой старости щенков), – сунул в плоский широкий рот сразу четыре пальца и что было силы свистнул. Свист у вечного школяра был разбойным, от него даже разошедшиеся доски загона задвигались, а с ближайшего дерева посыпались желтые листья.

– Пора начинать игру! – горласто прокричал дядечка, покраснел от натуги – очень уж не нравилось ему всякое промедление, он так же, как и питбуль, чувствовал кровь.

Широков со спокойным лицом покосился на него, вновь подергал одним уголком рта – левым. Кровожадная, однако, публика собирается на собачьих боях. Чего-то этому вечному школьнику недодали в детстве, как пить дать. Чего, интересно?

Словно бы подчиняясь команде дядечки, просвиристел милицейский свисток, и над головами собравшихся поднялся древний жестяной рупор с приклепанной к нему, будто к ночному горшку, ручкой. Рупор продребезжал:

– Делайте ставки, господа! Питбульерьера, как вы знаете, зовут Чемпионом, его еще никто у нас не побеждал, противника Чемпиона зовут... Эй, почтенный, как зовут вашего питомца?

Дядя в крохотной шляпке прищелкнул пальцами:

– Зовут как, спрашиваешь? Серым. Серый он...

– Противника Чемпиона зовут Серым, – в жестяной трубе что-то хрюкнуло, словно бы там поселилось неведомое животное. – Итак, Серый против Чемпиона. Делайте ставки, господа!

«Господа, – Широков не выдержал, поморщился. – Дай бог, чтобы на всю эту братию господ набралась бы сумма, равная недельному заработку рядового банковского клерка».

И тем не менее, несмотря на дырявость кошельков, публика пришла, чтобы кинуть на кон последние деньги: а вдруг повезет в собачьем тотализаторе?

Совсем нет голов у людей, вместо нормальных черепушек – пустые, высохшие до звона тыквы. Будь воля Широкова, половине из них он поотшибал бы эти тыквы, да зашвырнул куда-нибудь в канаву.

– Ставки, ставки делайте, господа, – проскрипел старый, пошедший ломинами рупор человека, который держал его в руках, не было видно – организатор собачьих боев не удался ростом – затирали предпринимателя более высокие мужики. – Ста-авки! – напомнил напоследок рупор.

И как он только не развалился в этой толкучке?

Питбультерьер, словно бы специально красуясь, напрягся, заиграл мышцами, прокатал в глотке свинец. Серый этот глухой звук засек и неожиданно прижался к ноге хозяина. Широков невольно пожалел собаку – в этой обстановке могут смять не только интеллигентного сельского пса, но и крокодила из зоопарка – запросто оттяпают у него хвост и пустят на жарено – нарубят антрекотов, бросят на раскаленную сковородку... Еду запьют плохоньким местным пивом.

Пиво в этих краях делать не умеют. Если говорить о пиве, то лучшее пиво в своей жизни Широков пробовал на Севере, в портовом городе Певеке.

Давно это было. Широков носил тогда лейтенантские звездочки и мечтал о генеральской карьере (из карьеры, будь она неладна, ничего не получилось, он несколько раз поднимался до уровня старшего офицера, но потом происходил срыв, и Широков кувырчался под откос) и попал в летнюю пору в Заполярье.

Впрочем, июль уже можно было не считать летним месяцем, ночью землю прихватывали морозы, но, несмотря на них, в тундре росли грибы. Много грибов.

По ровной как стол земле, застеленной серебристой скатертью – мхом-ягелем, – ходили люди с ведрами и собирали крупные, без единого червя краснушки.

Краснушками тут называли подосиновики. Откуда они взялись в краю, где не было леса и тем более – осин, не знал никто. Грибы были такие большие, что в ведро влезало не более пяти штук.

Местный народ брал только шляпки, корешки брезгливо отрезали и швыряли под ноги.

И что с удивлением вспоминает Широков до сих пор – в грибах не было ни одного червя. Червь не мог здесь плодиться даже в самую жаркую погоду, потому что под толстым слоем ягеля уже голубел вековой лед, твердый, как железо.

Там же, в тундре, среди грибов, располагался и старый лагерь строгого режима с прочно сколоченными бараками. В одном из этих бараков певекское начальство решило разместить небольшой пивной завод.

Не завод даже, а заводик, – исключительно для певекских нужд. Из Магадана по зимнику приволокли две тяжелых емкости, именуемых танками, в которых варят пиво, в Молдавии местный завпродмагом нашел двух девчонок-землячек, которые умели готовить желанный напиток, пообещал им от имени начальства большую зарплату и перебросил в Певек.

Девчонки оказались способными пивоварами и дружно взялись за дело. Начальство рассчитало все правильно: из Певека перестали уезжать нужные специалисты, пиво оказалось тем самым средством, которое было способно удержать человека на Севере. Поверить в это, конечно, трудно, но это было так – пиво держало людей в Певеке.

На севере Сахалина есть, например, небольшой нефтяной городишко Оха. Нефтяники – народ широкий, романтический, со своими вкусами и причудами, со своими заморочками и правдой. Денег у них всегда было много – карманы, правда, от купюр не рвались, но в дни

получек, случалось, трещали по швам... Чтобы попить пива, которого в Охе не было, нефтяники забирались в самолет и летели прямым рейсом в Хабаровск.

В Хабаровске находился лучший на Дальнем Востоке пивной завод.

Вылетали обычно утром, днем гомонили в каком-нибудь пивном баре на берегу Амура, вечером вновь садились в самолет и в черной прохладной ночи возвращались в родной город, наполненные пивом по самую макушку, да еще в руках держали по три-четыре авоськи, плотно набитые бутылками – пива этого им хватало как минимум на рабочую неделю.

А наступит новое воскресенье – будет новый рейс в Хабаровск и новое наслаждение...

Давно это было. Сейчас же баночное пиво можно купить и тут же оприходовать где угодно, даже в монументальной уборной, построенной около автобусной станции их маленького городка.

Жестяный рупор умолк совсем, в подвешенный на узловатый кусок проволоки старый лемех кто-то ударил железным болтом с навинченной на него гайкой, затем вновь раздалась трель милицейского свистка, – собачий бой начался.

Питбуля на бойцовскую площадку не надо было выталкивать, он, дрожа от нетерпения, выскочил на нее сам, заиграл мускулами – ну, будто хвастливый человек! Вообще-то питбуль знал, чем можно развлечь зрителей и получить за это от хозяина целый таз сахарных костей.

Серый же, наоборот, не понимал, что происходит и чего от него хотят, он продолжал жаться к ногам раздраженного хозяина. А у того от раздражения даже шляпка соскочила на нос и сделалась совсем крохотной, щеки налились бурой краской – кровь подступила, глаза тоже набухли кровью. Он нагнулся, поспешно отстегнул ошейник и, приоткрыв калитку загончика, дал Серому пинка под задницу.

– Пшел!

Но пинок почти не сдвинул Серого с места, хозяин крикнул раздосадованно и, еще больше наливаясь кровью, наградил непокорного пса вторым пинком.

На этот раз Серый оказался на вытоптанной, с клочками засохшей травы арене, обернулся на хозяина с жалобным вопросительным взглядом. Тот отвел глаза в сторону и рывкнул трубно:

– Фас!

Питбуль не растерялся подпрыгнул в воздух и свалился на Серого сверху, будто коршун. Клацнули железные челюсти, вгрызаясь Серому в край груди – питбуль вцепился бы и в глотку, но голова у противника была виновато опущена – Серый никак не мог понять, чего от него хотят.

Если надо положить жизнь за хозяина – он готов, это было ему понятно, к таким обязанностям Серый относился свято, считал их главнейшими, а уж потом – гонять овец по степи, стеречь созревшую шелковицу, носить в зубах продуктовую корзину, когда хозяйка отправляется на рынок купить пару карасей для ухи или астраханских помидоров с зеленью, – а зелень хозяин любил очень, поедая ее, как конфеты, – доставать во время охоты из воды подстреленных уток, подавать в доме тапочки и прочие мелкие обязанности...

Резкая боль пробила его тело насквозь, он рванулся в сторону и с силой ударил питбуля одной лапой по наглой морде. У питбуля лишь зубы клацнули пусто, и он отлетел от Серого – физически противник был сильнее его.

Боль, как ни странно, не разозлила Серого, не заставила кинуться на питбуля, перекусить ему хрящ на глотке, он по-прежнему не понимал, почему должен нападать на сытого мордастого пса, похожего своей фигурой на гигантскую картофелину, обтянутую лоснящейся короткошерстной шкурой.

– Фас! – заорал хозяин на Серого так, что шляпка, будто пустая кастрюлька, подпрыгнула у него на носу и соскочила на землю.

И опять Серый не понял, чего от него требуется, не вмещалась эта бестолковая драка у него в голове – ну, никак не вмещалась, хоть убей!

– Фа-ас! – хозяин просунул ногу в загон-арену и в очередной раз пнул Серого.

У Широкова сами по себе сжались кулаки, он сунул их в карманы брюк, чтобы не чесались, драка – дело паршивое, опускаться офицеру до драки нельзя, даже если он уже не носит погоны.

Питбуль встряхнулся, тяжело взлетел в воздух на целый метр и словно бы с некой невидимой площадки вновь свалился на Серого. Серый чуть посторонился, и Чемпион промахнулся, обиженно взвизгнул и хлопбытнулся о землю грудью. Только селезенка громко екнула внутри. Серый даже зубы не показывал ему, и челюстями не клацал, а оказался в победителях.

– Тьфу!

Несколько мужиков выматерились почти в один голос, хотя каждый на свой лад, – они проигрывали. На питбуля у них были поставлены последние деньги. Крохи, можно сказать, больше денег ни у кого не было.

– Фа-ас! – заорал хозяин Серого, скомкал шляпку и ткнул ею в питбуля. Широков подумал, что сейчас хозяин швырнет свой пропитанный потом головной убор либо в пса, либо себе под ноги, растопчет ботинками, но хозяину было не до этого, он проорал что было силы: – Ату его! – вновь ткнул шляпкой в сторону питбуля, который сипел от удара, перекосившего ему грудную клетку. Ткнул ногой в своего пса.

Серый обиженно глянул на хозяина – не понял, за что тот бьет его.

– Ату! – хозяин вскинул над головой шляпку, будто саблю, рубанул ею воздух, у шляпки даже материя затрещала, вот-вот должны были оторваться засаленные поля, но этого не произошло. – Фас!

Шляпка, несмотря на то, что была древняя, как останки коня воеводы Боброка, погибшего в Куликовской битве, не превратилась в пыль, а издала звук, похожий на крик раненой птицы. На Серого этот звук не подействовал – подействовал на питбуля.

Питбуль оторвал от земли гудящую башку и в следующую минуту вскочил, встал на четыре лапы и, слепо раскачиваясь из стороны в сторону, кинулся на Серого.

Увернуться, как в прошлый раз, Серый не успел, угодил под сжим зубов питбуля, и тот не промахнулся, ухватился прочно...

Разжать челюсти питбульерера Серый не смог, захрипел сдавленно и, сделав усилие, поднялся на задние лапы. Передними лапами уперся в морду питбульерера.

Одной лапой попал противнику в глаз, с силой надавил, и питбуль взвыл от боли. Терять глаза, – даже один глаз, – в его планы не входило, поэтому он ослабил чудовищный сжим челюстей, в следующий миг, откинутый мощными лапами Серого, опрокинулся на спину.

Резко, будто пружина, крутнулся, переворачиваясь на живот, и помотал головой.

– Рви его, рви! – заорала толпа. Наиболее азартные зрители затопали ногами. – Грызи глотку!

Обращалась толпа к Серому – тот сейчас имел все шансы уложить противника и вообще отделаться от него навсегда, но он не стал этого делать – по-прежнему не понимал, почему должен нападать на питбуля, как не понимал и того, отчего сытый, довольный жизнью, с жирными глазками питбульерер нападает на него – ну, с какой, спрашивается, стати?

– Рви его, жирнюгу! Рви на части! – стали кричать даже те, кто сделал ставку на питбуля.

Симпатии толпы вдруг переместились на Серого едва ли не целиком, но Широков знал, насколько опасны бывают такие перебросы – гораздо лучше, когда все идет ровно, без шараханья и рывков из стороны в сторону.

Но и толпа не подогрела, не разозлила Серого, он по-прежнему не понимал, почему его заставляют делать то, чего делать нельзя, почему так возбужденно и пьяно кричат эти люди?

Получив очередной пинок от хозяина, Серый отпрыгнул в сторону, оглянулся на человека, которому преданно служил. Лицо хозяина было злым, нижняя челюсть угрожающе ездил влево-вправо, будто он перетирал зубами зерно.

«Угробит ведь пса, – сочувственно подумал Широков, – как пить дать угробит... И зачем он подсовывает его под питбуля? Сговорился с устроителями, что ли?»

– Фас! – тем временем дружно проорала толпа, словно бы кто-то подал этим мужикам команду – голоса их слились в один суматошный крик.

Впрочем, Широков и не такие крики слышал, гораздо страшнее и злее, но никакие клопы с мурашиками по коже не бегали, капитан научился бороться, он вообще научился избавляться от них. Детская слабость все это, не хватало еще слюнявчик подвязать под подбородок. Тьфу!

Питбультерьер перестал мотать головой, поднялся на лапы и глухо, по-тигриному рыкнув, кинулся на Серого. Упрямый был зверь.

На этот раз он распахнул пасть так широко, что в нее могла влезть пара поленьев, совершил прыжок и вцепился зубами в нос Серого.

Серый застонал от боли, сжим зубов питбуля был не просто сильным, он был мертвым. Серый рванулся назад, поволок за собой питбуля, чуть было не завалился на спину, но, несмотря на боль и кровавый туман, возникший перед его глазами, понял, что заваливаться нельзя, противник тут же переместит зубы на его глотку и тогда уже не пожалеет сил, чтобы в горле Серого образовалась дырка.

Совсем рядом с его глазами находились беспощадные желтые глаза питбуля, Серый захрипел, сделал рывок в сторону, но противник зубы не разжал, даже не ослабил хватку, тогда Серый сделал рывок в другую сторону, ощутил, как пасть наполнилась кровью.

Это была его кровь. Он совсем не знал, что кровь может быть такой обжигающе-соленой... А может, она не соленая, а просто горячая?

Он оставил в зубах питбуля часть своей шкуры – морда его оказалась будто бы обглоданной. Было больно, очень больно. Захотелось завывать, но Серый молчал. Дернулся вновь.

Окровавленная шкура с его морды полезла клочьями. Возможно, питбуль оголил бы ее совсем, если б не шерсть Серого, она плотно набилась Чемпиону в пасть, закупорила глотку. Питбуль закашлялся, ослабил сжим челюстей.

Одной лапой, правой, Серый вновь надавил питбулю на глаза, тот засопел от неожиданности, и слезы, смешанные с кровью, потекли на морду, Серый надавил сильнее, и соперник его перестал сопеть. В следующий миг пит-бультерьер совершил резкий рывок в сторону, отскакивая от противника. Серый помотал окровавленной мордой.

– Чего же ты, подлюка, ведешь себя, как навозная муха, залетевшая в сортир? Совсем раскис от обилия говна? – проорал хозяин на Серого.

А Серый, похоже, не слышал его, снова помотал головой. Ему было и больно и горько: хозяин, которому он служил верой и правдой, предал его.

Чего угодно ожидал Серый от хозяина, какого угодно выпада при его непростом характере, но только не этого. Эх, хозяин, хозяин!.. Серый с хрипом втянул в себя воздух, пошатнулся, словно бы его плохо держали ноги и, оценив свою позицию, – было удобно нападать, – брызгаясь кровью, совершил длинный сильный скачок к пит-бультерьеру.

Краем забусенного кровью взгляда засек, какие все же злые, напряженные лица у людей, какими черными у них делаются рты, когда они кричат и... как больно ему. Если бы хоть кто-нибудь знал, как ему больно!

Он сшиб питбуля с ног – тот только лапы задрал, засипел сдавленно, но Серый оборвал это сипение, всадил зубы в горло Чемпиона: сделал то, чего не сумел сделать тот – обрезал противнику дыхание, проще говоря – перекусил.

Серый не хотел убивать питбультерьера, но его к этому принуждали люди, стискивал и стискивал зубы на шее Чемпиона, чужая кровь заполнила ему рот, брызнула через ноздри и непонятно в конце концов уже стало, чья это кровь – самого Серого или питбуля?

Он добивал Чемпиона, так хотевшего перегрызть ему горло, но никакого удовлетворения не испытывал – зла в нем по-прежнему не было, как и выхода другого не было: Серый понял – если не убьет он, то убьют его. Люди загнали Серого в глухой угол, из которого другого выхода не было.

Питбуль попытался вывернуться, но только сделал себе хуже – резким движением выдрал кусок собственной глотки и предсмертно захрипел.

Бой, который питбуль хотел выиграть, он проигрывал, зацарапал свободной лапой по утопанной, твердой, как асфальт земле, выдирая из нее крошки, попробовал сделать еще одну попытку, но безуспешно, и Чемпион стал быстро слабеть – что-то в нем надломилось.

Выигрывал этот бой Серый, но у людей был написан другой сценарий, и сценарий этот хорошо знал хозяин Серого. Он сорвал с макушки шляпку, отер ею лицо, глянул вопросительно на устроителя боев – маленького, круглого как глобус человечка с длинными форсистыми баками, залезающими с щек на шею. Человечек судорожно сжимал обеими руками рупор.

А Серый тем временем добивал питбуля – Чемпион слабел на глазах, еще немного – и он совсем перестанет дергать лапами. Оба пса были измазаны кровью, от крови под ними даже почернела земля.

Устроитель боев очнулся, покхекал в кулак, поднес рупор к губам и дунул в горловину. Рупор подчиняться не захотел, раздалось какое-то невнятное кваканье, будто в жестяную штуку эту забралась лягушка. Устроитель боев поморщился, откинул рупор в сторону – надоела старая консервная банка и сделал резкий взмах рукой – подал кому-то сигнал.

Мужики, столпившиеся в собачьем загоне, орали на все лады. Кто кричал азартно: «Куси его!», кто-то был более конкретен: «Рви ему глотку!», кто-то просто ревел по-пароходному и топал ногами.

Вид крови заводил людей, наполнял их неистовством. Таких людей и в таком количестве Серый еще не видел. Питбуль уже почти перестал дергаться, из глотки у него тянуло желудочной вонью, от которой Серого выворачивало наизнанку, но он держался, продолжал стискивать зубы.

– Выпускай второго бойца! – проорал кто-то громко. – Бой с подменой!

Неожиданно сверху на Серого налетел тяжелый гладкий пес, ухватил зубами за затылок, будто грушу, стиснул челюсти. Так сильно стиснул, что у Серого перед глазами заплясали красные мухи. Но сжима своих челюстей он не ослабил.

Откуда взялся этот пес, из какой дыры выскочил? Вопрос этот можно было выплюнуть из себя вместе с кровью, но Серый продолжал давить питбультерьера, а новый пес, вдохновленный тем, что он свеж, как утренняя дыня, и сил у него полно, решил, в свою очередь, отправить на тот свет Серого.

Серый почувствовал, что сейчас задохнется, его добьет боль, сдавившая ему не только голову, но и тело, и само сердце, он захлебнется кровью своей собственной и кровью поверженного питбуля. Того питбультерьера, который сидит сверху и пытается прокусить ему череп, уже не достать.

Показалось Серому, что земля, уползает из-под него – вот-вот перевернется и тогда он сорвется и улетит в черную яму. Точнее, в глубокую могилу.

Продолжая сжимать челюсти, он приподнялся горбато, попробовал сбросить с себя тяжесть, но сидевший на нем пес лишь зарычал глухо, не отцепился. Серый выбил из ноздрей кровь и резко присел на задние лапы.

На этот раз налетчик, сидевший на нем, соскользнул и, ослабив сжим зубов, в следующее мгновение вцепился зубами в холку Серого.

Собачий бой продолжался и продолжался не по правилам – второго пса в этой драке не должно быть, но он появился. Орала, брызгались слюной, бесились, месили ногами землю люди, напирая на хлипкий заборчик, матерились, над площадкой носились вороны, каркали злобно, зорко следили за происходящим. Они хорошо понимали, что один из псов, – и это был Серый, – обречен. Осталось только дожидаться, когда он испустит дух, а уж потом, когда его отволокут в кусты, они покажут, как надо разделять добычу и превращать ее в аккуратные кучки помета...

Широков морщился словно бы от боли, от неожиданно возникшего внутреннего напряжения у него начала дергаться левая щека, чего раньше с ним не бывало – неужели у капитана-пограничника к старости лет начали сдавать нервы? Или же сдает сердце – ведь оно находится на левой стороне... Кто скажет?

Он видел хищных ворон, считавших Серого своей добычей, видел лица мужиков, бесновавшихся рядом, ему было больно – наверное, передавалась боль погибающего пса, иногда он поднимал глаза и смотрел вверх, в блеклое, обесцвеченное жарким днем небо и переводил взгляд на Серого и его убийц.

Пистолет бы ему – старенький привычный «макаров» с обоймой в восемь патронов, – девятый патрон обязательно должен был находиться в стволе, – он живо бы навел тут порядок, но вмешиваться было нельзя, без оружия орущие мужики просто-напросто растопчут его. Даже сделать замечание, что бой заканчивается не по правилам, было нельзя – на него тут же полезли бы с кулаками кричащие люди.

Конец боя был печальным для Серого – питбультеры, объединившие свои усилия, одолели его, пес был разодран, как обычный кусок мяса.

– Все, забирай свою дохлятину, – сказал устроитель боев хозяину Серого, демонстративно похлопал себя рупором по ноге, – отволоки куда-нибудь в яму... Мы с тобою квиты.

Похоже, мужик в засаленной шляпке задолжал этому карлику деньги и теперь расплачивался за свой долг Серым. Широков стиснул зубы. Промолчал, хотя надо было кричать.

– Ага, понял, не дурак, – сказал мужик устроителю бегов и, ухватив Серого за лапу – заднюю правую, которая еще не пропиталась кровью, с нее не капало, была почище, – поволок пса прочь из загона.

Вот тебе и плата за верность. Широков почувствовал, как у него перехватило горло. Он гулко сглотнул.

Мужик в шляпке выволок Серого за забор, громко хлопнул дощатой дверью – что он хотел выразить этим обозленным хлопком, было непонятно. Может, не он был должен деньги, а должны ему, либо пообещали дать больше «деревянных» за погубленного Серого, а дали меньше или же произошло что-то еще – не понять... Широков протиснулся сквозь толпу и выбрался на шумную базарную площадь.

Впрочем, по сравнению с загоном не такой уж и шумной она была – тут торговали рыбой шустрые скуластые бабки с древними татарскими лицами, молодайки предлагали разную домашнюю снедь (а вообще они могли торговать чем угодно даже марихуаной, это Широков знал по собственному опыту). Мужики цыганистого вида с загадочными темными глазами продавали дыни. У них было много дынь...

Дыни в последнее время на рынке появились диковинные, с округлыми рельефными вздутостями по всему телу, очень похожие на маковки шатров, которые раньше здесь любили расставлять степные ханы, были они сладкие и душистые – вывели их, говорят, в Дагестане, наряду с этими ханскими дынями продавали и «колхозницу». Только теперь знаменитая дыня почему-то называлась не «колхозница», а «бакинка», словно бы кто-то решил окончательно

расправиться с нашим прошлым, со страной, которой не стало, и таблички теперь меняли не только на улицах и зданиях, но и на товарах потребления. Добрались и до дынь.

Хозяин Серого волок своего «верного друга» за угол базарной площади, пыхтел на ходу и обливался потом.

– Эй, приятель, – быстро догнав его, выкрикнул Широков. – Погоди-ка!

Мужик в шляпке, не останавливаясь, оглянулся с недоуменным видом. На земле от Серого оставался темный кровавой след.

– Подожди минутку! – Широков повысил голос.

На этот раз мужик остановился, развернулся к Широкову грудью, будто хотел задержать врага.

– Ну? – проговорил он угрюмо.

– Пес-то хоть живой? – спросил Широков, сунул руку в карман куртки, достал оттуда тысячерублевую зеленую кредитку. – Держи!

Мужик взял кредитку, недоуменно посмотрел на нее.

– А хрен его знает, живой или нет? – равнодушно проговорил он.

Широков нагнулся, приподнял у Серого окровавленное веко, заглянул в тускло засветившийся глаз. Глаз был живой. Широков чуть было не воскликнул: «Держись, друг, не умирай!» – но не воскликнул, вместо этого сказал лишь:

– Я забираю его у тебя.

– Давай еще тыщу и бери, – заявил мужик.

У Широкова что-то защемило в груди – денег у него и без того было кот наплакал, на счету находилась не то, чтобы каждая тысяча – находилась каждая пятидесятирублевка, но он, не колеблясь, достал из кармана еще одну кредитку, сторублевую, – знал породу таких мужиков, как этот тип в засаленной шляпке.

– Этого мало, – мужик показал глазами на бумажку, которую Широков держал в руке. – Я собираюсь отвезти кобеля корейцам... Знаешь, сколько они отваливают за собачье мясо, а?

– Тысячи у меня нет, – проговорил Широков тихо.

– Ладно, давай пятьсот и хватит, – неожиданно покладисто произнес мужик в шляпке, – только одной бумажкой.

Пятьсот рублей одной бумажкой у Широкова тоже не нашлось – нашлось сотнями, мужик, недовольно пошмыгав носом, сунул деньги в карман и выпустил из руки лапу Серого.

– Ладно, забирай свое сокровище. Корейцы тебе за него отвалят тысяч пятнадцать, не меньше. Собачье мясо они любят больше сахара, – мужик поправил на голове шляпку. – Жаль, у меня машины нет, а то бы отвез кобеля к ним. Все, брателло, бувай здоров и не кашляй, – на прощание мужик трубно высморкался себе под ноги и исчез.

Широков достал из куртки платок и склонился над Серым, аккуратно, стараясь не причинять боли, обтер собаке морду, потом подхватил пса и понес прочь с базарной площади.

Когда поднимал Серого, то почувствовал, как тот шевельнулся, а сквозь сжатые зубы вырвался стиснутый вздох, – обрадовался этому. Пес жив, и это очень важно. И еще что важно – довести его до дома, до хатенки, где Широков снимал комнату.

На окраине базара, в тени старой шелковицы стоял его уазик – машина старая, списанная по всем статьям, с начальнической резолюцией «Восстановлению не подлежит». Широков заплатил за нее копейки и восстановил... В результате обрел свой транспорт, уазик служил ему исправно уже полгода и при бережном отношении к нему прослужит еще лет пять, не меньше. Во всяком случае, Широков на это надеялся.

Пока донес Серого до уазика, взмок – неподвижный пес был очень тяжел.

В машине Широков откинул заднее сиденье, переднее задвинул едва ли не под приборную панель и уложил Серого на пол. Проговорил тихо – считал, что пес услышит его:

– Держись! Я живу недалеко – доедем быстро.

Хозяйкой у Широкова была набожная старушка Анна Ильинична. Маленькая, усохшая от времени, с морщинистым лицом, украшенным носом-кнопочкой, она излучала доброту... Анна Ильинична даже ругаться не умела – вот каким человеком она была.

Когда Широков въехал во двор и вытащил из «уазика» окровавленного Серого, хозяйка вышла из дома и всплеснула руками:

– Это кто же его разделал так, а?

Широков виновато приподнял плечи:

– К сожалению, так получилось.

– Пес-то пограничный?

– Пограничный, Анна Ильинична. – Широков, конечно, слукавил, но одно знал твердо: если Серый выживет, то к границе обязательно будет иметь отношение. Широков об этом позаботится.

– Значит, пострадал на службе. Ох... Ах... Эх... Ох! – Анна Ильинична засуетилась, принесла в тазике теплой воды – хорошо, чайник у нее был горячий, – и тряпку, чтобы обтереть Серого, – в стороне от всякой боли, даже боли животных, она стоять не могла.

Широков же считал, что тазик с теплой водой и тряпка нужны во вторую очередь, а в первую – совсем другое: шприц с обезболивающим средством из солдатской аптечки. Такие шприцы у Широкова были – не раз приходилось применять, когда под пули попадали его подчиненные.

Особенно часто это случалось в Средней Азии в начале девяностых годов – там творилось такое... В общем, хуже просто не бывает. В первую очередь, в Таджикистане. Непокойно было и в Киргизии, в других местах, и там, где оказывались ребята в зеленых фуражках, они обязательно становились на дороге у национального насилия и разбоя.

В первых рядах пограничников находился и Широков. Правда, звание у него было малость повыше, чем ныне, и должность неплохая была, но, несмотря на должность, он чаще находился в поле, на границе, чем в кабинете.

Он бегом, бегом – побыстрее – нырнул в свою комнату, достал из стола походную аптечку, выхватил из нее шприц в фабричной упаковке и поспешил назад, к псу.

Ткнул Серому иглу в заднюю ногу и выдал из шприца все, что в него было закачено, – до последней капли.

Потом взялся за тряпку, намочил ее и аккуратно, едва прикасаясь к пропитанным кровью лохмотьям кожи, свисающим с морды пса, начал приводить «лицо» Серого в порядок. Анна Ильинична, жалобно постанывая и охая, хлопотала рядом.

Минут через десять Серый шевельнулся. Издал глухое рычание, будто внутри у него перекачивалась с места на место крупная охотничья дробь, и замер вновь.

Анна Ильинична встревоженно взглянула на Широкова.

– Он не умрет?

Широков ободряюще качнул головой:

– Нет.

В комнатке своей он бросил на пол старое байковое одеяло, – места одеяло забрало много, и Широков сложил его вчетверо. Анна Ильинична тем временем немного высушила Серого – использовала для этого все тряпки, которые у нее имелись, и Широков перетащил пса в дом, уложил на одеяло.

Миску Серому заменила большая консервная банка из-под селедки, под блюдо для питья также пошла консервная банка с ребристыми боками – из-под рыбных пресервов. Широков не сомневался в том, что Серый, очнувшись, обязательно захочет есть.

Обязательно.

Сделав все это, Широков успокоенно прилег на койку – надо было хотя бы минут пять отдохнуть. Да и спал он сегодня плохо, трижды просыпался и лежал в ночи с открытыми глазами – соображал, что же разбудило его. Ответ был прост – все три раза он видел во сне Аню, жену свою.

Раз Аня снится, раз смотрит на него встревоженно, значит, где-то высоко, в верхних мирах, что-то происходит, значит, надо сходить в церковь, постоять у икон, помолиться, хотя молиться Широков не умел, и поставить в память об Ане свечу. Или сделать что-то еще, – об этом надо поговорить с батюшкой, он подскажет...

Главное – чтобы в глазах Ани не было тревоги.

А может быть, она о чем-то предупреждает? О чем?..

Широков не заметил, как уснул. Но едва звуки, которые приносились с улицы, растаяли, словно бы удалились куда-то далеко, как перед ним забрезжило слабо освещенное пространство. Местность была незнакомая – какие-то оглаженные взгорбки, низенькие кусты с лакированной листвой, влажная дорога, окропленная дождем, справа был виден небольшой прозрачный лесок.

По дороге быстрыми шагами шла женщина, протягивала на ходу к нему руки, Широков мгновенно встрепенулся – это была Аня. Он тоже протянул к Ане руки, двинулся навстречу. Земля под его ногами заколыхалась... Аня делалась все ближе и ближе, вот уже можно стало различить черты ее лица, вот стали видны ее глаза.

Выражение глаз Ани было прежним – встревоженным, каким-то горьким. Аня беспокоилась за него, и осознание того, что он еще кому-то нужен, родило в Широкове теплоту...

Но чем ближе становилась Аня, тем прозрачнее, неразличимее делалась ее фигура, словно бы откуда-то из-под земли сочился горячий дым, хотя глаза не теряли своей яркости, четкости, – вот Аня пересекла некую невидимую черту и, издав жалобный вздох, который Широков слышал совершенно отчетливо, будто бы наяву, исчезла.

От неожиданности Широков даже остановился, выкрикнул что было силы:

– Аня! – Потом снова позвал ее, но Ани не было, он растерянно кинулся вперед в обнажившееся пространство и проснулся.

Спал он недолго, минут пятнадцать всего, но этих пятнадцати минут хватило, чтобы усталость, возникшая было в нем, исчезла.

Серый лежал на одеяле с закрытыми глазами и тихо поскуливал. Раз скулит – значит, живой и не просто живой, а знак подает, сообщает, что жить будет. Около подстилки – на почтительном расстоянии, – стояли два хорька, жившие у Анны Ильиничны в доме и внимательно рассматривали искромсанного пса.

Хорей звали так: Хряпа и Анфиса. Хряпа был в этой семье старшим, повелевал женой своей Анфисой как хотел, но тираном не считался. Размерами Анфиса была в два раза меньше мужа.

Холодильник, в котором Анна Ильинична хранила продукты, Хряпа принимал за человека и кланялся ему, Анфиса же при виде холодильника впадала в некую задумчивость и садилась на задние лапы, миглом превращаясь в просящий столбик. Широков не сразу понял, что поза эта у Анфисы – молитвенная, – так она просит еду.

Если же это видела Анна Ильинична, то сразу открывала холодильник и доставала оттуда сосиску, – этот продукт хори любили особенно, разрезала сосиску на две части и каждому едоку вручала по половинке.

Через некоторое время Хряпа, изучив холодильник, изобрел способ, как открывать его – он ложился на пол под дверцей холодильника, упирался в нее сразу всеми четырьмя лапами и, поднатужившись, открывал. Ну а распахнутый холодильник – это раздолье для всякого любителя вкусно поесть.

Однажды Хряпа засек, как хозяйка принесла из продуктовой лавки килограмм сосисок – длинную вереницу колбасок, связанных друг с другом общей оболочкой и засунула в холодильник, на нижнюю полку. Хотела было положить сосиски повыше, но там не было места и она довольствовалась нижней полкой. Через полчаса, когда хозяйка прилегла отдохнуть, Хряпа воспользовался моментом и открыл холодильник.

Ухватил зубами длинную вкусную цепь и поволок ее под кровать – это дело надо было немедленно перепрятать. Он хорошо усвоил одну истину, известную людям: подальше положишь – поближе возьмешь. Вначале заволок гирлянду в подкроватное пространство, потом, поразмыслив немного, уволок сосиски под шкаф – там места хоть и меньше, но найти краденое будет труднее.

Отгрыз одну сосиску и с удовольствием съел ее. Вкусно! Чем еще была хороша эта сосиска? Оболочка на ней была не целлофановая, как на многих других сосисках, а белковая, которую можно было есть. И, подкопченная, очень аппетитно пахла.

Целлофаном же, если будешь его есть, обязательно подавишься. Поразмыслив немного, Хряпа съел еще одну сосиску, оставшуюся часть снизки старательно прикрыл газетой – притащил ее из прихожей, «стибрил», как любили говорить в широковском детстве и, сопя озабоченно, натянул сверху на сосиски.

С чувством отменно выполненного долга Хряпа удалился в прихожую, где у него стояло свое собственное плетеное лукошко, похожее на гнездо вороны.

– Ну, жук навозный, ну и жу-ук, – рассмеялся Широков, понаблюдав за действиями предпримчивого хорька, вытащил сосиски из-под шкафа, обмыл в большой алюминиевой миске – Анна Ильинична признавала только алюминиевую посуду, – и вновь засунул снизку в холодильник. Напоследок похвалил Хряпу: – Настоящий предприниматель! – Добавил, будучи уверенным в том, что говорит: – Либерального толка!

Хорьки нравились ему, были они красивы, изящны, привлекательны. Особенно Хряпа. Тело у Хряпы было длинное, гибкое, как у таксы. Внешность Анфисы была попроще, поскромнее, хотя природа обычно распорядится наоборот – в подавляющем большинстве случаев самки бывают наряднее самцов.

Исключения конечно же есть. Взять, к примеру, уток. У уток самцы гораздо привлекательнее самок...

Некоторое время хорьки стояли около Серого неподвижно, что-то соображали про себя, дивились, а может, просто изучали изуродованного пса и гадали, какие взаимоотношения сложатся у них с ним и вообще сложатся ли? – потом Хряпа осторожно выдвинулся вперед, оглянулся на Анфису.

Та сделала головой несколько изящных кивающих движений – похоже, одобрила действия своего благоверного, и Хряпа, осмелев, еще на несколько шажков придвинулся к Серому, аккуратно, почти невесомо потрогал его лапкой.

Из глотки Серого, откуда-то изнутри, донесся рычащий хрип, хрип был глухой, но хорошо слышимый, – и Хряпа поспешно откатился от пса, испуганно зашевелил усами.

А Анфиса, та даже присела, прижалась к полу хаты, стремясь стать плоской, невидимой, но это ей не удалось.

Прошло минут пять, прежде чем хорьки пришли в себя. Переглянулись озабоченно – не знали, как вести себя дальше. Тем более что у пса этого, неожиданно сделавшегося их соседом, имелись, надо полагать, хорошие зубы – такие же, как у волка. На всякий случай Хряпа еще на несколько шажков отодвинулся от Серого – вдруг тот очнется и клацнет челюстями? Нет, пока не познакомились и не выяснили отношения, от такого соседа надо держаться подальше...

Анфиса последовала примеру супруга и также опасливо отодвинулась от неподвижно лежавшего Серого. Хоть и валялся пес на подстилке, как мертвец, но был живой. Хряпа пропихивал что-то – видимо, предупреждал супружницу, чтобы была осторожна, находясь в одном

пространстве с большим и лохматым зверем – ведь зубы у него явно такие, что он запросто может откусить колесо у грузовика, – и на всякий случай еще на полметра отскочил назад.

Зверьки явно были озабочены своим будущим.

Всю свою жизнь Широков отдал границе, – впрочем, если не всю, то большую ее часть, самую лучшую – это совершенно точно; службу на заставе, в комендатуре, в отряде он знал до мелочей, ведал, как вести себя в пиковых ситуациях, что делать, если в бою в автомате перекосит патрон, как лечиться без лекарств и без мяса варить мясной суп, из какой материи сшить штаны, если у тебя вообще нет материала, и как простое летнее белье превратить в теплое зимнее, а клубни картофеля – в ананасы, яблоки – в апельсины, горькую шиксу – в сладкую иргу, горчицу – в повидло, измельченную в крошки липовую кору – в кофе «мокко», лыко – в сапожную кожу, мох – в дорогой куничий мех.

Все это он познал за годы жизни на границе. Даже будучи майором, награжденным тремя орденами, возглавляя комендатуру, он хорошо знал, что нужно рядовому бойцу, заступающему в наряд по охране государственной границы, или сержанту, отправляющемуся домой в краткосрочный отпуск...

Но потом произошло то, что, наверное, должно было произойти. К нему приехали посланцы военного министра той поры – человека, не отличающего автомат Калашникова от станкового гранатомета, а гаубицу от снайперской винтовки, но зато хорошо знающего, чем отличается клееная табуретка от табуретки, скрепленной гвоздями, и потребовали, чтобы он предоставил им подробную карту окрестностей Снегового озера – реликтового места, занесенного в Красную книгу природы.

Посланцы современного наркома были похожи на теплую столичную компанию, собравшуюся в веселых забавах провести время: два парня с сытыми лицами и две девчонки с голыми соблазнительными коленками, сопровождавшие парней, видимо, в качестве секретарш...

Широков почувствовал, как что-то остро укололо его в подгрудье, недобро сощурился:

– Позвольте спросить, господа хорошие, зачем вам эта карта?

– Как зачем? – старший этой теплой группы топнул ногой с такой силой, что толстая ляжка задрожала у него, будто студень. – Как зачем?

– Вот именно – зачем?

– Шеф наш собирается построить на озере дачу. Разве до вашего сведения, майор, это не довели?

– Не довели, – сухим тоном произнес Широков.

– Тогда считайте, что это сделал я – довел до вас решение инстанции.

– Вы мне не указ, любезный, – прежним сухим голосом проговорил Широков.

– В таком разе, кто же я? – лицо посланца московского наркома от услышанного даже дернулось.

Широков невольно подумал: как бы с этим деятелем не случился припадок – очень уж нервный господин свалился на его голову.

– Никто, – спокойно произнес он.

– Как так? – лицо молодого человека дернулось еще раз.

– А так. – Широков приподнял одно плечо. – Никто, и этим все сказано.

– Значит, вы отказываетесь помочь нам? – В голосе московского гостя послышались угрожающие нотки.

– Отказываюсь.

– И карту не дадите?

– Не дам.

– Об этом здорово пожалеете, – предупредил гость.

– Постараюсь, чтобы этого не было, – спокойно и тихо проговорил Широков.

Пограничник этот, с майорскими погонами на плечах, был непонятен московскому гостю, он не привык, чтобы ему отказывали.

– Пошли отсюда! – скомандовал гость своей компании и круто, на одном каблуке повернувшись, вышел из кабинета коменданта.

Слово свое он сдержал – он вообще не любил, чтобы кто-то перечил ему и тем более – становился на его пути. Ну что для него какой-то седеющий провинциальный майор – седьмая спица в колеснице, – над ним столько начальников, которые накомандуют ему по шее так лихо, что строптивый мухомор этот даже имя свое забудет. Не говоря уже о большем...

Через некоторое время комендатура Широкова была слита с другой комендатурой, – по новой классификации, к слову, комендатур не стало совсем, их переименовали в отделы; заставы сделались отделениями, комендатуры отделами, отряды – а всякий погранотряд по значимости был приравнен к армейскому полку, – стали службами. Обозначения эти, спущенные сверху, были непривычны для уха Широкова – в них нет ничего пограничного...

Ну как можно было старое русское слово «застава», понятное всякому уху от Калининграда до Владивостока, заменить на жандармское словечко «отделение»? Кто-то переусердствовал очень уж слишком.

В новой, укрупненной структуре места для Широкова не нашлось, и он очутился, как принято говорить в таких случаях, за штатом.

А быть за штатом – это все равно, что находиться в мертвой зоне, где лишний раз не шевельнешься, не чихнешь, не сделаешь зарядку – там вообще нет никакого движения. Работы нет, а находиться без работы Широков не привык – без работы человека обязательно засасывает трясина, увязаяешь в ней с руками и ногами, по самую макушку и в конце концов делаешься никем.

Плюс ко всему Широкова, который никогда не имел недоброжелателей, появился недоброжелатель – такой же, как и он майор, только работал этот майор не в низах, не ползал по бугоркам на брюхе, превращая в дыры и лохмотья пятнистый защитный костюм, а больше корпел над бумагами, готовя руководящие указания, сидел на заседаниях, иногда вещал с трибуны, проводя воспитательную работу, и так далее – в общем, был этот майор похож на настоящего клеща.

Первый раз он появился в комендатуре, когда та была уже укрупнена, и Широков остался не у дел – думал, что вообще задвинут в дальний угол и его не видно, теперь к нему вряд ли кто прицепится, но это оказалось не так. Прицепились.

Подвижной, моторный, с зоркими глазами, майор из регионального управления, – умеющий, как он считал, хорошо отличать настоящее от ненастоящего – вызвал к себе Широкова и, глянув на него недовольно, почти брезгливо, покачал головой:

– Ну, вы и даете, майор! Решили посорить пограничные войска с армией? Ну и ну!

– Даже не думал, – жестким тоном, словно бы в глотку ему попала пыль, проговорил Широков и поморщился – не понравился ему этот румяный пряник.

– А думать надо... Хотя бы иногда, – становясь еще более брезгливым, произнес гость, – фамилия его была Бузовский. – Это еще никому не мешало. Понятно?

– Так точно! – коротко ответил Широков, – он решил не ввязываться в перепалку и задал в себе внезапно появившуюся злость (с ним еще никто не разговаривал таким тоном, поэтому основания для злости были), разом становясь спокойным, даже отрешенным.

А когда он загоняет себя в такое состояние, как в некое помещение, то на него можно давить сколько угодно, ни одна ядовитая стрела не достигнет цели, поэтому Бузовский мог яриться сколько угодно, мог вообще вспыхнуть костром – на Широкове ни одна шерстинка не загорелась бы.

– Смотрите, майор, теперь вы находитесь под контролем, – произнес Бузовский предупреждающе, с назиданием в голосе, ткнул в воздух указательным пальцем и добавил: – Под моим личным контролем!

– Так точно! – выбил из себя Широков и усмехнулся: в конце концов он с этим борзым майором находится в одном звании, что Бузовский – майор, что он... Хотя Бузовский моложе и при его связях, гоноре и приближенности к партии, заменившей КПСС, может стать генералом, а Широков генералом не станет никогда. Да и хребет у него не такой гибкий, как нужно.

С другой стороны, верно говорят: миром правят не те люди, которые умные, а те, которым больше повезло.

Редкостное озеро, где водились невиданные породы рыб, а берега сохранили древнюю первозданность, которое пытался защитить Широков, было отдано на потребу бывшему знатоку реставрированной мебели – вскоре на берегах его заурчали моторы автомобилей и послышались звонкие голоса бойцов строительного батальона.

Вместе с бойцами прибыл и целый отряд смуглых мужиков в тюбетейках – для выполнения черновых работ.

Первобытная красота озера была испоганена, раздавлена, словно яйцо, сваренное всмятку, а потом сброшенное со стола на каменный пол; Широкову, который несколько раз приезжал на озеро, это было больно видеть.

Но поделать что-либо он не мог.

В последний раз, приехав на озеро на своем «уазике» и оглядев высокие, подпиравшие макушки сосен палаты бывшего мебельного короля, он поморщился – король этот, человек нехорошей масти, погубит озеро, разве непонятно? Почему это не могут усвоить Бузовский и министерские «шестерки» с лампасами на штанах?

Сосны были острижены от веток по самую макушку и больше походили на пальмы, чем на сосны, земля изуродована траншеями, исчеркана, утрамбована колесами тяжелых грузовиков.

Широков сжал кулаки: попался бы ему сейчас на глаза этот Бузовский!

Немое желание его, словно некий клич, было услышано, он увидел Бузовского, возникшего в дальнем углу строительной площадки.

Майор Бузовский был доволен самим собою и своей жизнью – он был сыт, хорошо одет и обут, стремительно шел вперед по службе, имел крепкие связи не только в своих кругах, но и в кругах более высоких, считался желанным человеком в ресторанах (а Широков последний раз посещал ресторан, когда еще была жива Аня, – проездом в Самаре, на железнодорожном вокзале), в общем, многое что возвышало Бузовского над Широковым... Правда, боевых орденов и медалей у Бузовского не было, а у Широкова были...

Хотел Широков незаметно покинуть барскую площадку, которую опекал Бузовский, но что-то удержало его, и он остался стоять под корявым развесистым дубом, от которого почему-то пахло хлебом. Может, это был особый дуб? Хлебный, сухарный или что-нибудь в этом роде?

Бузовский, по-хозяйски заложив руки за спину, прошелся по площадке, осмотрел механизмы и людей, в нескольких местах остановился, выговаривая что-то рабочим. Те почти что согнулись перед ним, покивали согласно стриженными головами, украшенными тюбетейками, и вновь принялись за дело – вполне возможно, с учетом замечаний, а может быть, и нет: нынешних рабочих, зашибающих деньги на стройках, – и немалые причем деньги, – понять бывает трудно, но Бузовский и не стремился их понимать.

Он отдавал приказы, при этом нисколько не сомневался в том, что приказы эти будут исполнены.

Из подъезда строящегося дворца неожиданно вышел человек, которого Широков узнал сразу – это был тот самый чиновник, что требовал от него карту Снежного озера и здешних мест, – злитесь этот деятель, наверное, до сих пор... Наверняка злитесь, ибо чиновники злопамятны.

Увидев Бузовского, молодой человек призывно помахал ему рукой и поспешил навстречу. Не все майоры бывают тупы и упрямы, как Широков, есть, слава богу, еще офицеры, которые понимают, какое важное государственное значение имеет эта стройка, только благодаря таким людям еще стоит на ногах наша страна, – не будь Бузовских, мы бы давно лежали на боку...

Продолжая бодро взмахивать рукой, чиновник шел на сближение с Бузовским, к Широкову же на сближение тоже шла целая группа – таджики, наряженные в голубые рабочие комбинезоны.

С собою таджики несли здоровенную бензиновую пилу, предназначенную, наверное, для того, чтобы резать под корень гигантские африканские баобабы. Широков оглянулся: чего же тут пилить? Не дуб же, под которым он стоит, – этому дереву не менее ста пятидесяти лет, а может, и все двести – за снос такого реликта можно запросто угодить под статью Уголовного кодекса.

Было жарко. Вдохновенные теплом, особенно громко кричали разные цикады, кузнечики, сверчки, пожиратели листьев, жуки, прочая живность – вполне вероятно, древнего происхождения, – Широков только сейчас обратил внимание на этот неистовый хор, покачал головой: уж не к дождю ли эти громкие песни, а? Либо к чему-нибудь другому, более значимому?

Чиновник обнялся с Бузовским, майор доброжелательно похлопал его по спине, будто любимую лошадь, приносящую в зубах золотые яйца... Слишком много значило это похлопывание по спине.

Таджики тем временем окружили Широкова, положили на землю пилу с крупной зубастой цепью и, задрав головы, чтобы получше видеть макушку дуба, начали что-то обсуждать. Жаль, что Широков не знал таджикского языка... Он покосился на таджиков, оглянулся. Рядом с дубом-гигантом росло еще несколько дубов, но по сравнению со старейшиной они были малыми детишками – не дубы, а дубки. Детсадовцы.

Растут эти деревья медленно, приживаются трудно. Неужели таджики получили приказ спилить их? У Широкова при мысли об этом даже заломило виски – проникла туда боль и осталась, не желая выбираться. Тьфу!

– Вы чего собираетесь делать, громодяне? – спросил он у таджиков.

– Ты нам это... мешаешь, – сказал ему один из пильщиков, рослый накачанный парень с жидкой курчавой порослью на подбородке – похоже, старший в бригаде.

Судя по глазам парня, он был готов спилить что угодно, лишь бы ему за это заплатили.

– Как это так... мешаешь? – Широков не выдержал, даже подбоченился – жест был хозяйским.

– Мы сейчас это... пилить будем, – сказал ему бригадир.

– Что будете пилить?

– Все!

– И этот дуб тоже? – Широков постучал носком сапога по основанию дуба, обтянутому прочной, от времени затвердевшей, как чугун корой.

– Да, – бригадир сплюнул через нижнюю губу, – его будем пилить первым.

– Он находится под охраной государства, – сказал Широков.

– Ничего не знаю. Мне приказано спилить – я спилю.

Широков передвинул кобуру пистолета на живот, предупредил таджика:

– Только попробуй!

У того в глазах зажглись опасные холодные огоньки, он аккуратно отступил от Широкова и что-то сказал своему помощнику – маленькому, лысому, в нарядной плисовой тубетейке, надежно прикрывавшей голую макушку.

Помощник выкрикнул тонким сорочьим голосом: «Ага!» – и затопал кедами по тропке, ведущей к строящемуся зданию, только тонкие китайские штаны его зашуршали на бегу крах-

мально. Подбежал к Бузовскому, продолжавшему обниматься с чиновником, будто с родной мамой, прокричал что-то.

Бузовский выпрямился резко, словно получил удар кулаком в одно место. На солнце блеснули его крепкие зубы, Широков подумал, что человек этот перекусит кого угодно с легкостью необыкновенной, даже бегемота переполовинит и получит от «процесса», говоря горбачевским языком, удовольствие. Бузовский оставил чиновника и, круто развернувшись, зашагал к дубу, под которым находились таджики и Широков.

– Что тут происходит? – прокричал он издали, зыркнул на таджиков грозно. – Почему не работаете? В чем загвоздка? – Перевел взгляд на Широкова: – А вы чего тут делаете, майор?

– Исполняю свои обязанности. Из пограничных войск меня пока еще никто не увольнял.

– Это дело несложно поправить!

– Ну а пока не уволили, пусть эти граждане, товарищ майор, предъявят документы, разрешающие им валку леса.

И слово, какое подходящее нашел Широков – «валка», любого бюрократа удовлетворит. С другой стороны, это слово – рабочее, от него пахнет сосновыми опилками.

Тут к Бузовскому на помощь подоспел молодой румяный чиновник, суетившийся на стройке.

– Что тут происходит? – повторил он буква в букву, знак в знак вопрос Бузовского, голос у него был грозный, с металлическими нотками. Бузовский поморщился привычно – Широков вызывал у него головную боль, скоро от вида этого деревенского майора у него, наверное, будут болеть и зубы... Тьфу!

– Покажите майору план застраиваемой территории и разрешение на вырубку леса.

– Нет проблем! – бодро вскричал чиновник и, совершив ловкое, почти неуловимое движение, раскрыл кожаную папку, которую держал под мышкой.

– Пажалте! – издевательски произнес он. Протянул Широкову отпечатанный в типографии план будущего поместья.

Широков спокойно – ни одна жилка на лице не дрогнула, – взял план в руки. Вгляделся в топографические изображения, нарисованные на бумаге.

Там, где сейчас шумела листвой дубовая роща, должно было возникнуть нечто иное – было начерчено громоздкое сооружение – то ли аэропорт, то ли городская баня, то ли крытый пруд с персональными купальнями. А может, зимняя оранжерея для выращивания орхидей.

– Что это? – Широков ткнул пальцем в диковинное сооружение.

Чиновник поглядел на него, как на неотесанного пастуха, никогда в жизни не видевшего автомобиля, гордо вздернул голову.

– Бассейн с раздвигающимися стенами. Последнее слово техники.

– Вместо этой красоты, – Широков оглянулся на дубы, – болото с плавающими свиньями? Конечно, выразился он грубо, но зато точно.

– Майор, за такие сравнения можно попасть под трибунал! – предупредил чиновник. Румянец на его щеках сделался густым: похоже, Широков зацепил его за что-то – скорее всего, за пуговицу мундира.

– Но вы-то – не трибунал, – возразил Широков румяному.

– Вы пожалеете о сказанном!

– Может быть. А теперь предъявите разрешение на строительство и валку деревьев.

– Все тут, с собой, не сомневайтесь, – чиновник выдернул из папки лист, исчерканный подписями.

Подпись представителя пограничников обязательно должна быть на этом листе, чтобы строящиеся для высокого начальства хоромы не залезли на территорию Казахстана, Монголии или еще какой-нибудь страны, рядом даже не находящейся. Подпись была. Даже не одна – две.

Сделаны они были Бузовским. «Наш пострел везде поспел, – мелькнуло в голове у Широкова, – интересно, сколько он за это получил?»

Подпись Бузовского стояла и под разрешением на снос дубов. Широков почувствовал, что у него сами по себе сжались кулаки. Он перевел взгляд на Бузовского.

– Не стыдно, майор?

– Слушай ты! – вскипел Бузовский, командно вскинул одну руку и, теряя самообладание, а вместе с ним и голос, неожиданно сделавшийся визгливым, как у непохмелившейся дамочки, вскричал: – Вон отсюда!

– Вы же совершили преступление, майор, подписав эти бумаги, – спокойно, не обращая внимания на визг, произнес Широков, – вы не имели права этого делать.

– Вон отсюда! – вновь вскричал Бузовский, и резким движением отодвинув в сторону маленького лысого таджика, – тот, не устояв на ногах, даже свалился на землю, – стремительно шагнул к Широкову.

Через мгновение недалеко от себя, от своего лица Широков неожиданно увидел кулак, не поверил тому, что увидел, но понял четко: еще полмгновения – и кулак врежется ему в переносицу, привычно нырнул вниз, пропуская руку майора над головой и тотчас автоматически ответил – поддел своим кулаком начавшее полнеть тело Бузовского.

У Бузовского только печенька екнула от сильного тычка, едва не сплюснвшего его живот. Он вскрикнул, отскочил назад, заваливаясь на спину, но не завалился, устоял на ногах. Лицо исказилось от боли, сделалось незнакомым, каким-то постаревшим.

– Хы-ы, хы-ы... – задыхаясь, выдавил он из себя и медленно, с трудом согнулся – боль парализовала его, тело сделалось негнущимся, не слушалось хозяина. А главное – боль мешала ему дышать. – Хы-ы-ы...

Таджики поспешно отскочили от Широкова, хотя страха в их глазах не было, было другое – уважение и некая покорность. Широков был сильным человеком, такому надо было подчиняться. Он – настоящий офицер, майор, а не этот стонущий человек с рыхлым животом.

И вот странное дело – румяный чиновник со своей кожаной папкой и бумажками, исчерканными подписями, мигом испарился. Словно бы рисованный человечек из мультфильма – был человечек, и не стало его. Исчез.

Даже бумажки, полетевшие на землю, он успел подобрать, вот ведь как. Не перевелись еще чародеи...

– Хы-ы-ы... – громко выдохнул Бузовский. – Ты у меня под трибунал пойдешь, – кривя лицо, на «ты» предупредил он Широкова, – я сгною тебя...

– Не сгноишь.

– Сгною.

– Силенок не хватит, – убежденно произнес Широков.

Бузовский оглянулся на таджиков – те стояли понурые, покорно повесив головы – не ожидали, что им придется присутствовать на такой разборке. А это чревато. Есть ведь известная русская «поговорилка»: «Паны дерутся – у холопов чубы трещат», – так что каждому из них может здорово достаться.

– Сил у меня хватит не только на это, – заявил Бузовский, сплюнул себе под ноги. Рот у него болезненно дернулся – плевок был красным, с кровью.

Уж не отбил ли ему Широков что-нибудь внутри?

– Будете свидетелями, – Бузовский ткнул рукой в сторону таджиков, – подтвердите на суде, что он меня ударил.

Таджики угрюмо молчали. Бузовский потер ладонью ушибленный живот и раздраженно вскинул голову. Повысил голос:

– Не слышу ответа!

Переглянулись таджики и вновь не произнесли ни слова. Наконец старшой их, понимая, что попадает в неприятную историю, проблеял что-то себе под нос.

И хотя из блеянья ничего не было понятно – слова не разобрать, да и произнесены они были не на русском языке, Бузовский удовлетворенно произнес:

– То-то же!

Ладонью он продолжал массировать живот: все-таки Широков задел его сильно...

Бузовский надавил на все педали и кнопки, которые имелись в его распоряжении, защелкал выключателями и тумблерами, начал крутить ловкими пальцами верньеры и, естественно, запустил в ход машину, схожую с громыхающим асфальтовым катком.

Каток этот должен был закатать Широкова в дорожное полотно.

Понимая, какая участь его ждет, как понимая и то, что защитить его будет некому, – собственно, Широков и не искал себе защитников с генеральскими звездами на погонах, да и не было их, – он подключил к делу других ратоборцев – защищающих природу.

Те тиснули в двух областных газетах статьи, собрали у здания администрации недовольных людей с протестующими плакатами в руках, но свернуть шеи стройке и чиновнику с румяными щеками, а заодно и Бузовскому не сумели – силы оказались неравными. Ведь тех прикрывал всесильный министр с мебельным прошлым: лишь одной приподнятой брови на его толстой физиономии хватило бы на то, чтобы разделаться со всеми российскими защитниками природы оптом, а в качестве жертвенного довеска прихватить еще и пограничников, вздумавших заниматься экологией...

Дубы были вырублены, и когда Широков побывал на заповедном озере в последний раз, то на их месте зиял неровным безобразным квадратом глубоко вырытый котлован, на берегах которого в хищной рабочей позе застыли два экскаватора.

Таджиков не было – судя по всему, их вымели одним движением веника в сторону исторической родины, украшенной заснеженными горами, и целиком заменили на покорных стройбатовцев в старой, еще советской поры, хлопчатобумажной форме. Работали стройбатовцы, конечно, так же, как и таджики, ни шатко ни валко, лучше всего умели ловить мух раскрытыми ртами, – но им не надо было еженедельно выдавать зарплату... А это очень важный аспект.

Впрочем, по части рытья канав и вообще земляных работ специалистов, равных таджикам, в России все-таки не было, – они вообще могли прорыть колодец сквозь весь земной шар и вылезти на свежий морозный воздух где-нибудь в Антарктиде – пройти сквозь глобус было для них плевым делом... А вот по части машин и механизмов сообразительности у детей гор Памирских не хватало, на глаза напознала задумчивая поволока, они мигом теряли дар речи и, кроме протяжного «бэ-э-э», ничего не могли выговорить.

Так что не понять, просчитался бывший повелитель торговых рядов с кухонными сервантами, отправив таджиков домой, или нет.

Поглядел Широков на заморенных стройбатовцев, и у него на лице задергалась излишне нервная жилка – жалко стало этих ребят. Не думали они, наверное, что священный долг каждого российского гражданина – защищать Отечество до последней капли крови, – им придется выполнять здесь, на строительстве нужников и подсобных помещений будущего барского поместья... Но случилось то, что случилось.

Широков рубанул рукой воздух и, развернувшись слепо, неровно покачиваясь на ходу, словно бы у него болели ноги, покинул стройку. Обидно было, что кривда победила правду...

Ну а потом стало уже не до стройки, не до поисков правды: недаром Бузовский напрягался – натужные усилия принесли ему успех... Под суд Широков, конечно, не попал, но намяли ему бока здорово.

Не выводя его из-за штата, сняли с погон майорские звезды, – стал он капитаном, – а потом и вовсе предложили спороть погоны с кителя и отправили на гражданку, дотягивать положенный жизненный срок там.

Не помогло ничто – ни ордена, ни годы беспорочной службы, ни седые волосы. И стал Широков сугубо штатским человеком.

Впрочем, нет, не сугубо, душа его все равно продолжала находиться там, где Широков привык быть, – на заставах, в сухих звонких зарослях, за которыми проходила контрольно-следовая полоса, среди малоразговорчивых нарядов – на границе, словом.

Граница въелась в него, в кожу въелась, в поры, в корни волос, в хребет, стала частью его тела... Ну а где тело, там и душа.

Ехать было некуда. Родных у капитана не было, жилья тоже (те квартиры, которые предоставляли ему раньше, были служебные), перспектив тоже не было, поэтому осел Широков в первом приглянувшемся ему южном городке. Одно было хорошо – находился этот небольшой городок недалеко от извилистой тревожной линии, именуемой границей.

Хоть изредка, но все же до него будет доноситься запах нейтральной полосы, автоматной смазки, горелых гильз, остающихся после учебных стрельб. Для него это – запах жизни, запах прошлого, Анин запах...

Надо было думать о работе. Широков, как всякий боевой офицер, мог бы вполне пригодиться в местном патриотическом клубе – таковой в их незатейливом городке имелся, но два штатных места, оплачиваемых администрацией, были прочно заняты – не сдвинуть, – в этих креслах сидели молодые люди, связанные то ли с криминалом, то ли еще с кем-то или с чем-то, не очень вкусно пахнущим, и Широков молча отошел в сторону...

На рыбозаводе была довольно сильная охрана, но и там не нашлось вакансий... Не нашлось места и на городской маслобойне, и в трехэтажном супермаркете, и в игровом парке, и на заводе автомобильных запчастей, оснащенном дорогим западным оборудованием, которое надо было тщательно охранять... Делать было нечего, и он на своем уазике взялся за извоз.

Но на извозе много не заработаешь – городок все-таки небольшой, многие люди хорошо знают друг друга, расстояния, разделяющие их, – крохотные, да и уазик – машина не самая комфортная. Не иномарка, в общем. Впрочем, хоть и были заработки грошовые, а на еду и житье-бытье хватало. Впритирку, правда, но хватало, да и Широков был человеком непритязательным, он, если понадобится, вообще может некоторое время питаться одним только воздухом.

Случались и стычки с соперниками по ремеслу, так сказать, – в таких городах, как их, работы много не бывает, и извоз мог прокормить лишь считанное количество людей.

Месяца полтора назад его взяли в оборот на задворках старого железнодорожного вокзала...

Началось все с того, что у уазика неожиданно спустило заднее правое колесо – не просто спустило, а с шумом ухнуло вниз, ухнуло так стремительно, что машину даже перекосило. Широков выпрыгнул из «уазика» и увидел, что около колеса стоит наглый улыбающийся парень с тонкими, будто ниточки, подбритыми усиками. Широков видел его и раньше – парень этот ездил на потрепанной «хонде» с правым рулем, звали его Тофиком и был он то ли азербайджанцем, то ли ассирийцем – кем-то из этих, в общем.

Увидев лицо Широкова с твердым, крепко сжатым ртом, Тофик трусливо съежился, улыбку с его лица будто бы смахнуло мокрой тряпкой, он попятился, в следующее мгновение, круто развернувшись, помчался прочь от Широкова.

В колесе зияла узкая недлинная дырка – Тофик саданул по резине ножом. Недолго думая, Широков понесся за ним вслед.

Тофик оказался хорошим бегуном, ловко обогнул двух беседующих старушек и нырнул за угол вокзального здания.

– Стой! – просипел ему вслед Широков, также кинулся за облупленный угол вокзала.

Понятно было: если он сейчас не задержит Тофика, не объяснит ему, что к чему, колеса Широкову будут резать и впредь – в покое не оставят... Важно было знать – за что все это? За какие грехи, которых у него в этом городе не было – не успел еще заиметь.

За углом Тофик резко сбавил скорость и, тяжело дыша от бега, развернулся, становясь лицом к преследователю. В то же мгновение рядом с ним нарисовались три широкие фигуры с метровыми плечами.

– Ты кто такой? – угрожающим тоном, сквозь зубы, спросил один из них, центральной, – судя по его расплюсченному носу и квадратному подбородку с раздвоенной, – человек опытный, со стажем, на чьем счету разборок не один десяток.

Маленькие глаза его были колючими, как кнопки.

– Дед Пихто, – усмехнувшись, ответил Широков.

– Я и вижу, – центральной поднял пудовый кулак и постучал им, как молотом, по такой же пудовой ладони. – И зачем ты, спрашивается, влез в наш бизнес?

Вона – обычный извоз теперь, оказывается, называется бизнесом...

Одет центральной был живописно – в китайские, с блестками, брюки, украшенные генеральскими лампасами, лопающуюся на груди серенькую майку со штемпелем какого-то детского фонда, расположенного в Америке, и огромные разношенные кроссовки-большемерки. Размер у них был не менее сорок восьмого. Колоритный, в общем, возник дядя.

Впрочем, сподвижники его были не менее колоритны, каждый был достоин своего рода похвалы. Единственное, что у них было общего – грузные квадратные подбородки, рассеченные ложбинками, как у родных братьев. Но родными братьями они не были.

– Наверное, потому влез, что мне надо на что-то жить, – помедлив, ощутив, как внутри у него вспыхнуло что-то горячее, неудобное, ответил Широков.

– Значит, так, мужик, – центральной вновь стукнул кулаком по ладони, родил глухой недобрый звук, – бить мы тебя не будем, но если еще раз увидим, что ты таксуешь, изломаем и тебя самого и дырявую тачку твою. Понял?

– Не понял, – спокойно проговорил Широков, – и понять никогда не смогу.

– Тогда мы будем тебя учить, – центральной сплюнул сквозь крупные желтые зубы, сожаляющее поглядел на неразумную муху, стоявшую перед ним, – не обессудь.

Он вздохнул делано и поднял свой тяжелый, в полосках шрамов кулак – молот этот уже не раз бывал в деле.

Опустить кулак на голову Широкова он не успел – Широков опередил тяжеловеса на несколько долей секунды и ударил первым. Ударил сильно – понял, что в полсилы бить нельзя, вырубать этого витязя в тигровой шкуре надо с первого раза, иначе через несколько минут Широков будет просто изуродован этой тройкой, – следом ударил второго, по прикидке – самого опасного, очень уж жестокие глаза были у него...

Оба сложились вдвое, уперлись физиономиями в колени, заныли, пуская слюни, третий, ошеломленный таким натиском, зашипел, потряс головой, словно бы за ушами у него завелись блохи и начали больно жалить, отступил на несколько шагов назад. Широков двинулся к нему. Молодец затряс головой сильнее, в следующее мгновение развернулся и дал поскорее деру с места стычки.

Куда же подевался Тофик, Широков не засек – испарился человек в одно мгновение, будто пятно воды на горячей сковородке. Широков оглянулся на тяжеловесов, вздумавших наказывать его, – оба продолжали корчиться.

Зла на них не было, они действовали по законам волчьей стаи и по-иному действовать не могли: или – или... Одна из соперничающих сторон должна быть уничтожена.

– Что ж, бывайте здоровы, хлопцы, – бросил Широков на прощание и вернулся к своей машине. «Уазик» сиротливо, как-то убого кренился на один бок, будто был подбит на войне.

Внутри у Широкова шевельнулась жалость, словно бы этот потрепанный автомобиль имел, как и человек, живую душу и ему было больно.

Достал домкрат. Хоть и были у Широкова крепкие кулаки, а, похоже, с собою надо возить что-нибудь такое, чем можно отмахнуться от налетчиков – например, «фомку», короткий убойный ломик, любимое оружие шоферов-дальнобойщиков.

Впрочем, нынешние дальнобойщики, именующие себя продвинутыми, сдали свои «фомки» в музей ушедшего, уже начавшего забываться двадцатого века, либо держат их у себя дома на книжных полках в качестве почетных экспонатов, а от налетчиков отмахиваются другим оружием. И пистолеты с собой возят – причем не только древние «макаровы» или ТТ, а многозарядные генеральские «стечкины», хорошо знакомые им, и «калаши» – автоматы конструкции Калашникова, и гранаты-лимонки...

Широков знал одного дальнобойщика, который возил с собой гранату – обычную небольшую гранату-лимонку, похожую на железную капсулу, – и считал, что больше ему ничего и не требуется.

Когда ему приходилось пересекать границу, прятал гранату так надежно, что ее ни разу не сумели обнаружить – в фуре у него имелось два или три тайника, до которых не сумел добраться ни один таможенник.

Однажды Широков, заинтересовавшись, попросил шофера открыть секрет: где же все-таки в фуре находятся потайные закладки?

Дальнобойщик, рассмеявшись хитро, отрицательно покачал головой:

– Не скажу!

– Почему? Я тебя никому не сдам, не бойся. И обысков устраивать не буду – ничего не буду делать. Мне просто важно знать на будущее: как можно в машине организовать невидимое место?

В ответ – прежнее покачивание головой:

– Нет!

– Но хотя бы скажи – каков принцип, а? Как можно сделать предметы невидимыми?

– Принцип простой: ничего не прятать, все держать на виду. Тогда никто ничего не найдет – даже собака.

Широков подумал: а ведь дальнобойщик прав. Никто никогда не ищет гранат в ящике с инструментами или в бардачке с проездными и провозными документами – ищут обычно в бензобаке с потайным дном, в резине запасных колес, в нише под карбюратором...

Однажды граната здорово выручила дальнобойщика.

Дело было в глухом Казахстане, в местах, где редко бывали гости из России, – дальнобойщик в одиночку, без напарника, одной машиной, привез туда строевой лес. Благополучно разгрузился, а когда собрался в обратную дорогу, то, разворачиваясь, прицепом задел за глиняный дувал хозяина и срезал угол ограды.

Дело, конечно, поправимое, нужно только время, но хозяин обозлился и заявил, нервно вздергивая голову:

– За этот дувал ты мне должен заплатить, я его не на дороге нашел... Либо отработать, понял?

– Это что, рабство? – спросил дальнобойщик, не веря тому, что слышит.

– Как хочешь, так и понимай. Будешь работать у меня три месяца за похлебку... Дувал восстановишь, еще кое в чем мне поможешь – тебя не убудет.

Дальнобойщик вздохнул тяжело, достал из кармана пятидесятидолларовую бумажку.

– Возьми, хозяин и не обессудь. Больше у меня зелени нет. Только мелочь на котлеты.

В глазах хозяина вспыхнули и тут же потухли далекие холодные искры, будто на костер налетел ветер, расшевелил его, – порыв ветра был недолгим, и казах взял деньги. Смерив дальнобойщика с головы до ног внимательным взглядом, разрешающе махнул рукой:

– Ладно, поезжай!

Дальнобойщик прыгнул в кабину и поспешно тронул машину с места – историй о том, как его напарники по профессии попадали в рабство, он слышал не единожды, и сам в поездках смотрел во все глаза по сторонам, чтобы не угодить в неприятность, – в общем, знал, как люди работают за одну лишь похлебку и не знают совсем, когда им удастся освободиться от ярма, – чутье на этот счет имел хорошее.

Но никогда не ведаешь, откуда может появиться беда – угадать это невозможно.

Отъехал дальнобойщик от того аула недалеко – уйти далеко ему не дали, – километров через десять его догнала старая, разболтанная, состоящая из одних дыр и дребезжанья иномарка, проворно скользнула вперед и встала поперек дороги.

Дальнобойщик чуть не поставил свой КамАЗ на дыбы, пока тормозил, высунулся из кабины, хотел было выматериться, но сдержался: из машины вылезли два обритых наголо молодца и, зорко поглядывая по сторонам, подошли к КамАЗу. За поясом у одного из них торчал пистолет.

– Давай, дядя, вытряхивай оставшиеся у тебя доллары, – сказал главный из них, боец со свернутым набок носом, – иначе дороги дальше не будет.

– Что, насчет дороги цыганка нагадала? – поинтересовался дальнобойщик, голос его при виде налетчиков не дрогнул, внутри ничего не похолодело.

– Цыганка, – громко, улыбаясь по-бандитски покровительственно, подтвердили бритоголовые.

– Ну, хотя бы немного зеленых оставьте, – прежним, лишенным дрожи голосом попросил дальнобойщик, – мне же еще до дома добираться, есть-пить что-то надо.

– Выкладывай все, что есть, – угрожающе выкатил глаза детина, вооруженный пистолетом, – пока мы тебя самого не съели.

– Хорошо, хорошо, – примирительно поднял руки дальнобойщик, – выкладываю.

Он согнулся, уходя под руль, где снизу к бардачку у него была прилажена полочка, которая всякому, кто суется в кабину, видна не была и одновременно находилась на виду, нащупал лежавшую там гранату и, перехватив ее левой рукой, выдернул чеку.

С гранатами он в свое время имел дело в армии, поэтому «карманной артиллерии» не боялся, хотя у многих других – тоже бывших солдат, – при виде гранат начинали дрожать пальцы. У некоторых вообще слабели руки, и граната могла шлепнуться под ноги.

Выпрямившись, дальнобойщик высунул из окна кабины руку с гранатой.

– А вот и требуемые доллары, – проговорил он.

Налетчики побледили, на физиономиях их заблестел стремительно выступивший пот. Тот, у которого за поясом находилось оружие, дернулся было к пистолету, но в следующий миг обмяк – убежать от гранаты он не успеет.

Покорно отступил от машины на несколько шагов, затем, не сводя вытаращенных глаз с дальнобойщика, отступил еще.

– Вопрос, как я понял, закрыт, – миролюбиво произнес дальнобойщик и включил первую скорость.

Древняя иномарка, перегородившая ему дорогу, дернулась, стремительно уходя в сторону – и откуда только у старухи такая прыть взялась, – иначе бы дальнобойщик снес ей полковину гнилого зада, налетчик, сидевший за рулем, вовремя среагировал, убрал машину из-под КамАЗа, и дальнобойщик покатил дальше.

На первой же развилке дорог он, замечая следы, свернул в сторону, потом еще раз свернул – в общем, ушел от налетчиков благополучно и через полчаса очутился на трассе, которая выводила к междугороднему шоссе.

Когда дальнбойщик рассказывал о том приключении Широкову, то похихатывал беззлбно, даже довольно, вспоминая физиономии налетчиков, хотя дело могло кончиться совсем не так безобидно, как кончилось...

Помогло везение, по-иному происшедшее не назовешь...

Широков подвел под узик домкрат, поднял машину. Сняв колесо, горестно поцокал языком – прореха была большая. Заставить бы этих кулакомахателей починить шину, да... Тьфу! Он покосился на вокзал, на тот край здания, где должны были находиться налетчики.

Никто из них на площади не появился – ушли с вокзала задами, либо по железнодорожным путям.

Латать колесо придется, естественно, самому – денег в бюджете Широкова на эти цели заложено не было – деньги были заложены только на хлеб с овощами и кусок колбасы. Остальное уходило на оплату жилья, бензин, да латание хозяйственных прорех.

Погода, довольно хмурая с утра, сырая, с поднимающимися над горизонтом тучами, неожиданно сменила гнев на милость, тучи втянулись в невидимый проран, небо приподнялось, сделалось светлее.

Вскоре выглянуло и солнце, подслеповатое от того, что долго спало, не появлялось перед людьми, с белесой мутью по окоему; мигая часто, как сова, увидевшая в тумане свое отражение, поднялось над землей повыше, заморгало вновь.

Непонятно было – то ли дождик скоро пойдет, то ли, наоборот, установится продолжительная сушь. Широков кое-что смыслил в погодных приметах, – как и большинство пограничников, – но в этот раз ничего существенного, путного в приметах не обнаружил – ни в пользу сухой погоды, ни в пользу мокрети.

Единственное, что плохо – на душе было муторно. Не тяжело, не гадко, не больно, а именно муторно. Такая муторность, говорят, рождает затяжную тоску, а за тоской – болезнь. И болезни тоска рождает неизлечимые, лекарств от них нет.

Справившись с колесом, Широков вновь глянул на вокзальное здание, ограниченное обшарпанным углом, за которым произошла стычка... Там было по-прежнему тихо и безлюдно. Что-то слишком много в его жизни образовалось кулачных стычек. Скоро это сделается не только фактом его биографии – станет чертой характера, вот ведь как. Эх, майор, майор... Тьфу, никак не может привыкнуть к тому, что он ныне не майор, а всего-навсего капитан. Если бы была жива Аня, она бы не дала ему опуститься.

Потерял он Аню, когда был еще старшим лейтенантом. Сколько лет прошло с той поры? Широков почувствовал, как что-то сжало ему горло, он невольно зажмурился. В ушах раздался и тут же угас дребезжащий звон, словно бы кто-то подавал ему сигнал. Если бы была жива Аня, жизнь его сложилась бы по-другому.

Широков помял пальцами виски, помял затылок. Надо было купить кое-что из продуктов – самое недорогое, самое простое – картошки килограмма три-четыре, огурцов с полкило, столько же помидоров, говяжьих костей для супа...

Еще, конечно, всякой зелени, которую Широков очень любил, – кинзы, укропа, петрушки, крупных, похожих на огромные лопухи, мясистых листьев салата... Без зелени у Широкова не обходился ни один ужин, не говоря уже об обедах.

На рынке Широков увидел дядю Ваню – соседа, который жил на их улице напротив. Анна Ильинична, когда в доме кончалась соль или мука, бегала к нему, точнее, к его жене взять займы.

У дяди Вани имелся кот-добытчик, можно сказать, воспитанник по прозвищу Квазимодо – животное редкой окраски. В мире есть, конечно, цветные кошки – черепаховые, словно бы сотканые из трех разных колеров – черного, белого и рыжего, а Квазимодо был пятицветным котом, сшитым из отдельных шерстистых лохмотов. Из трех кусков, упомянутых

выше, плюс к ним лохмот серого цвета и плюс кусок совершенно редкостного окраса – коричнево-красный.

Коты коричнево-красного цвета живут, говорят, в Индии, да еще немного – в Египте. В Египте кошки вообще считаются священными животными, их фигурки вырезают из самого твердого в этой стране камня – базальта. У Широкова когда-то была такая фигурка, только осталась она там, в прошлой жизни.

Квазимодо занимался попрошайничеством – добывал для хозяина деньги. Он сидел на своем привычном месте и щурил желтые глаза на солнышко. Рядом с ним в землю была воткнута написанная от руки табличка «Подайте на пропитание коту редкой породы» и лежала выдавшая виды глубокая потрепанная кепка. В кепке, внутри, как в курином лукошке, красовались деньги – десятирублевые бумажки, одна кредитка достоинством в пятьдесят рублей и были густо рассыпаны монеты.

Деньги, конечно, можно было уже выгрести, но дядя Ваня не спешил, не трогал их – он вывел свою математическую формулу, когда можно вынимать капитал из кепки – наступила пора, а когда нельзя, рано еще, – и строго этой формулы придерживался.

В результате в накладе не оставался – табличка, на которую кот иногда опускал лапы (выглядело это весьма живописно и убедительно), работала безотказно. Помогали и лекции дяди Вани о редкостном происхождении кота Квазимодо. Это было интересно всем и в первую очередь – туристам, приезжающим в их городок.

Вечером дядя Ваня появлялся дома с выручкой. Выручка, кстати, набиралась немалая – до двух тысяч рублей.

Поскольку на рынок дядя Ваня ходил каждый день, как на работу, то за месяц набегала сумма приличная – не меньше, чем у иного командира дивизии.

На московском телевидении в свое время была такая программа – «Времячко», так даже оттуда приехали в командировку три человека с аппаратурой, чтобы снять Квазимодо для передачи.

За съемку дядя Ваня запросил миллион рублей.

– Таковы требования Квазимодо, – заявил он гостям, – кот требует миллион.

– Так уж и миллион?

– Вот именно – миллион.

У приезжих телевизионщиков таких денег при себе не оказалось. В результате они сняли кота Квазимодо бесплатно.

Широков кивнул приветственно дяде Ване и пошел по рядам, проверяя на ходу собственные карманы – сколько денег там шуршит? Шуршало немного. На то, что у него имелось, предстояло купить еду не только для себя, но и для Серого.

А Серый уже почти пришел в себя, отодранные от морды лохмотья кожи благополучно прирастали к своим местам, глаза у пса повеселели, он стал подниматься на ноги. Иногда Широков ловил на себе его внимательный взгляд: Серый понимал, что в его судьбе произошли перемены, назад дороги нет и хорошо, что нет, и теперь он изучал нового хозяина.

Глаза у пса были умными, Широков подумал, что из Серого на границе получился бы хороший помощник, который мог бы свободно завалить любого громилу-нарушителя, только ему надо показать, как это делается.

Серому он купил две больших крепких кости. Мяса на них было, правда, маловато, даже коту на завтрак может не хватить, но все равно мозговые мослаки эти доставят Серому большое удовольствие.

Конечно, кости сгодились бы в суп и самому Широкову – и не только для навару, из них можно было вытрясти вкусный мозг – лакомство, которое Широков, когда был ребенком, любил, но Серому они сейчас были нужнее.

Вечером он поставил кастрюльку с костями томиться на медленном огне – дух мозговой, сочный, поплыл по всему дому, часа через три добавил в бульон немного картошки – картофель Серый, в отличие от некоторых других собак, любил, – и когда бульон немного остыл, налил полную чашку и выставил перед псом.

Тот вытащил из миски кость, – сделал это аккуратно, ни одной капли бульона не пролив на пол, – и немедленно занялся ею. Кость была крепкая, ее даже топором нельзя было взять, только колуном, но Серый расправился с нею легко, только костяные крошки полетели в разные стороны. Крошки Серый подобрал очень аккуратно, ни одной не осталось, потом так же аккуратно выхлебал бульон.

– Умница, – похвалил пса Широков и, едва прикасаясь рукой к шерсти, погладил его по голове, – умничка. Так держать.

Пес, не реагируя на ласку, отполз в угол, на свой коврик и затих там. Прикрыл глаза. Но Широков чувствовал: пес рассматривает его даже сквозь опущенные веки – ему важно было понять, что новый хозяин его не будет таким, как старый, не сдаст «младшего брата» своего на колбасу и не скормит другим собакам. Широков вздохнул и занялся обедом.

Жизнь у Широкова сложилась непросто.

Жил он с родителями недалеко от Москвы – в городе Александрове. Хоть и находился Александров почти в шаговой доступности от столицы нашей Родины, а к губернии уже принадлежал не к Московской, к другой – Владимирской.

Тот серый, с косым колючим снегом, день Широков до сих пор помнит в деталях и, наверное, будет вспоминать, когда с этого света переместится на тот, – Широков и там ощутит, как на глаза у него наворачиваются слезы.

И число то декабрьское, зимнее, тоже будет вспоминать до последнего дня своей жизни – двадцать восьмое...

Чета Широковых – отец и мать Олежки – собрались поехать на машине в Москву, надо было купить к новогоднему столу немного праздничных продуктов: докторской колбасы (александровскую колбасу здесь не любили), тамбовского окорока, пельменей, апельсинов, шоколада, пару бутылок шампанского, бутылку коньяка... И вообще привезти из Москвы еще чего-нибудь вкусенького, из того, что попадется на глаза.

С Широковыми в столицу отправилась чета Бессарабов – старший Бессараб, майор внутренней службы, его жена, приходившаяся родной сестрой матери Олега Широкова – в прошлом секретарь Александровского горкома комсомола, с собой они взяли четырехлетнюю Дашку, поскольку та очень просилась в Москву – это раз, и два – оставить ее было не с кем...

Таким слаженным экипажем они и отправились в дорогу – нырнули на «жигулях» в назойливо шуршащую снежную пелену и растворились в ней, только белые морозные хвосты завихрились следом.

Из Москвы не вернулся ни один из них – на скользкой дороге жигуленок смял вылетевший на встречную полосу бензовоз с прицепом-бочкой. Легковушка была раздавлена, на тех, кто находился в ней, было страшно смотреть.

Более того – вихлявшаяся сзади бензовоза цистерна опрокинулась и выплеснула половину своего содержимого на лед дороги и, как это бывает в плохих фильмах, горючее не замедлило запылать – для этого достаточно было одной малой искры.

Похоже, сюжеты худых кинолент зачастую бывают рассмотрены в жизни...

Одиннадцатилетний Широков остался один – ни отца, ни матери, ни родной тетки, ни двоюродной сестры – никого, словом. Некоторое время он помыкался в Александрове, потом его, онемевшего, оглохшего от горя, забрали в детский дом – нечего, дескать, парню жить без тепла и заботы.

Имущество, находившееся в их квартире, александровские власти продали с молотка, деньги положили на сберегательную книжку, распечатать которую Олежка Широков мог только, когда достигнет совершеннолетнего возраста.

Через три года, уже в детдоме, четырнадцатилетний Широков узнал, что Даша Бессараб, попавшая в смертельную ситуацию, не погибла – ее выбросило через вылетевшее заднее стекло «жигулей» на обочину, в снег, и она осталась жива, а подоспевший водитель междугороднего автобуса успел выхватить ее из-под накатывающегося вала пламени... Судя по всему, этот шофер и увез девочку с собой.

Широков начал искать двоюродную сестру, героя-шофера, свидетелей той катастрофы, но все было бесполезно. Скорее всего, люди, к которым попадали письма детдомовского мальчишка, относились к ним абы как, спуская рукава: какой-то неведомый пацан с мокрыми от слез глазами – это не райком и не горком партии. Заниматься поисками по его хотению – это несерьезно... Поиски ни к чему не привели.

Широков делал несколько заходов, и каждый раз невод возвращался пустым: Даша исчезла бесследно. Если ее в конце концов не стало, то где могила? Могила родителей Широкова, могила Бессарабов пребывали в Александрове на городском кладбище, Олег за ними ухаживал, а вот Дашкиной могилки там не было. Может, она все-таки похоронена вместе с родителями, но тогда на общей могильной плите должно быть выбито три имени, а не два.

Дарья, где ты?

В весеннюю и осеннюю пору их город обязательно пахнул рыбой, это было обязательным атрибутом, как городской герб, – рядом протекала богатая река, кроме нее имелось несколько рыбных протоков и четыре озера со старыми татарскими названиями, в которых народ брал неплохие уловы, – в основном карасей величиной с хорошую сковородку.

Из всех водоемов рыба исправно попадала на рынок и в городские дома, – впрочем, на каждой улице, в каждом доме здесь имелись свои рыбаки, которые приносили добычу на стол... А рыбу здесь умели готовить знатно – в кляре, с перцовой присыпкой, с петрушкой и укропом, сорванными прямо с грядки, украшенными каплями воды, как росой. Было не только вкусно, но и красиво, очень аппетитно.

Летом в городе тоже пахло рыбой, но не так сильно, как осенью или весной, летом устанавливалась прочная жара, и ловцам было не до рыбы. Жара здешняя обладала лютым характером, в ней, казалось, плавилась не только земля, спекшаяся в камень, но и сами камни.

Ловить можно было только утром и вечером, в сумраке, когда спадала жара, но утром и вечером совершенно не было спасения от комаров – мелких, длинноногих, очень злых. Никакие антикомариные мази, жидкости, спреи, мыльные карандаши, гели, присыпки с припарками не действовали на этих кусачих летунов совершенно.

Наоборот, рыбака, который намазался чем-нибудь, они ели с удвоенной силой. Пытались есть даже сапоги. Прокусывали их легко. Спасу от комаров не было никакого, если только отмахиваться густыми еловыми ветками, но ни ели, ни сосны в их городке не росли.

Широков поехал на рыбалку – имелось у него свое уловистое место на Ереминой протоке, прикормленное. Поразмышляв немного, он взял с собою Серого – пса надо было «выводить на свежий воздух», как любила говорить в таких случаях Аня, посмотреть там на его состояние: как будет он реагировать на людей, птиц, животных... Главное, чтобы комары не загрызли.

Впрочем, Серый даже в лежачем состоянии не производил впечатления пса, которого могут загрызть писклявоголовые. Широков усадил его на заднее сиденье уазика, пес вольно раскинулся на нем, как на диване, – понял, куда его повезут, и приветствовал это. Широков рассмеялся, потрепал Серого по холке.

В прикормленное место на Ереминой протоке надо было пройти через гряды густых камышей. Лаз был узкий, напоминал кабаньих туннель... В камышах жило много кабанов, столкнуться с ними не хотелось.

Загнав уазик в кусты, в густотье, чтобы машину не было видно, Широков нырнул вместе со снастями в камышовый лаз. Скомандовал псу:

– Серый, за мной!

Серый не заставил себя ждать, втянулся в лаз следом за Широковым. В камышах было душно, пахло сухими цветами, пылью, землей, чем-то еще, незнакомым, но никак не рекой, не водорослями, не рыбой. Серый покорно полз следом, дважды чихнул – ноздри, очень чуткие, ему забило пылью, Широков на чихи оглянулся – не разодрал ли Серый себе морду, и без того уже основательно разодранную... Позвал шепотом:

– Серый!

Пес пополз быстрее, догнал хозяина.

Когда лаз кончился, Широков невольно зажмурился: в лицо ему ударило солнце, мигом припекло – лучи были прямые, горячие. Облюбованное им место заросло зеленой травой – трава тут даже поздней осенью была зеленой, – и желтыми цветами, очень похожими на колокольчики.

В воду, в мягкое речное дно, в полтора метрах от берега, были воткнуты три рогатки для удочек – чтобы удилица не шлепались в воду, а чутко реагировали на каждую поклевку.

Пес выбрался из лаза и так же, как и хозяин, огляделся. Судя по довольной морде, тут ему понравилось.

В этом году на здешние камышовые дебри навалилась неожиданная напасть – саранча. Много саранчи – когда она поднималась в воздух, то делалось сумеречно, насекомые-стригуны передвигались плотными стаями, похожими на тучи, объедали у камышей макушки, потом по зеленым стволам перемещались вниз, объедали нижние листья, ростки, целые ветки, заодно сжирали и молодые, начавшие уже подниматься побеги.

В результате камыши, протянувшиеся вдоль уреза реки, сделались жидкими, слабыми, держались только за счет того, что их подпитывала близкая вода, да за счет жесткости стеблей.

Исчезнет саранча только с приходом морозов – лишь трескотуны во второй половине ноября малость утихомирят обжор, других способов остановить эту напасть нет.

Раньше саранчу посыпали порошком с самолетов, но это – штука опасная, глотнувшая яда саранча, попав в воду, погубит много рыбы. Отравленная рыба также может попасть не туда. Вот и делайте из этого выводы, люди...

Зато, если раньше стенка камыша мешала забрасывать спиннинг – блесна обязательно цеплялась за густые макушки, пробивала упругие столбики бархатных головок, сейчас можно было, пожалуй, бросать без опаски, что вдруг выдернешь какую-нибудь камышину вместе с корнями.

Широков любил спиннинговый лов – дело это живое, требующее сноровки и ума, но на этот раз он спиннинга с собой не брал, взял две удочки-полудонки. На каждой – по два крючка. Итого – четыре.

На четыре крючка он что-то обязательно поймает, – Широков невольно усмехнулся: хоть лягушку!

А вообще-то лягушки в этой местности исчезли совсем. И не потому, что их стрескали неведомые звери или кожу лягушачью оборотистые предприниматели пустили на тапочки – лягушек начали повсеместно вылавливать и отправлять во Францию любителям квакающей вкуснятины.

В результате ни одной не осталось, всех продали французам. А это, между прочим, может стать нарушением баланса, равновесия в природе, что, в свою очередь, нарушит баланс в человеческом обществе.

Размотав одну удочку, Широков насадил на крючки жирных резвых червяков и не успел размотать вторую, как на первой задержался конец удилица – на леске уже кто-то сидел. Широков чертыхнулся, подсек и вскоре выволок на берег двух сонных толстобоких карасей.

Здесь караси отличались от всех других, существующих в рыбьем мире карасей и толщиной своей и неповоротливостью очень походили на буффало – американскую рыбеху, заведенную каким-то недотепой-предпринимателем из-за кордона (может быть, даже из самих Штатов) в эти места. Предприниматель, потерпев ряд неудач в своем безнадежном промысле, куда-то сгинул, а дело его рук осталось: буффало, которых здесь звали быками, перепортили всю местную рыбу.

В том числе появились и диковинные караси. Особенно диковинной была их расцветка – караси эти были альбиносами – белыми, без блеска, у них даже хвосты были белыми, словно рыба соткана из ткани. Хотя сами буффало имели «карповый» цвет – были золотистыми, с темной толстой спиной и широким, как лопата, хвостом.

Сняв карасей с крючков, Широков сунул их в ведро, которое предусмотрительно привез с собою – сделал это вопреки устоявшемуся мнению: если возьмешь на рыбалку посуду для улова – ничего не поймашь. А вот когда ничего из емкостей с собой не возьмешь, даже простого полиэтиленового пакета – обязательно изловишь большую рыбу...

Не так все это, не так...

Серый расположился около ведра – лег на траву, вытянул лапы и положил на них голову.

Едва Широков закинул удочку в воду и взялся за ту, которую еще не успел размотать, как снова последовала сильная поклевка – кончик прочного удилица от нескольких сильных ударов едва не обломился. Широков мигом сдернул удилице с рогатки и сунул конец в воду, чтобы рыба больше не могла взять снасть на излом, крутанул рукоять катушки – туго натянутая леска запела от напряжения. Серый поймал чутким ухом знакомый звук, настороженно поднял голову.

Широков ослабил леску – сбросил с катушки десяток метров. Удочка перестала петь. Серый опустил голову на лапы. Широков ощутил, как в груди у него встревоженно и одновременно радостно заколотилось сердце, а горло стиснул сладкий обжим. Он подтянул рыбину на несколько метров к себе, потом, придерживая катушку пальцами, поставил на тормоз и отпустил.

Важно было измотать добычу, иначе ее не удастся вытащить на берег.

Тем более подсака, чтобы зацепить добычу еще в воде, у него нет. Желтоватая, поблескивающая искорьем поверхность воды взбугрилась метрах в десяти от берега, показался крупный золотистый бок, и Широков вздохнул нервно: это же сазан!

А сазан, биндюжник речной, легко перерезает любую леску пилой, вживленной у него в верхний плавник – действует, как повар ножиком, – чик – и лески нету. Рыбак остается с носом, рыба вместо того, чтобы жариться на сковородке, греться в фыркающем масле, обретает волю.

В очередной раз подтянув к себе леску, Широков вновь отпустил ее. Серый с любопытством следил за манипуляциями хозяина.

У самого берега, метрах в трех, вихляясь в воде, проплыла змея, похожая на обрывок веревки, который сильно трепало течение. Змея была похожа на гюрзу – самое гадкое пресмыкающееся из всех, которые Широков знал. Если бы у него были свободны руки, обязательно запустил бы в гадину каким-нибудь тяжелым камышовым корнем. Серый тоже засек змею, зарычал глухо.

Человека змея не испугалась, а вот собаки испугалась, усиленно завихляла хвостом и свернула в сторону. Через несколько секунд исчезла в камышах. Там этого добра – змей – обитает много...

Широков выводил сазана долго – минут пятнадцать, леской изрезал себе руки до крови, – все боялся, что сазан искалечит ему снасть, и облегченно вздохнул, когда увидел, что это не сазан, а тяжелый крупный карп.

В камышах подали свои звонкие голоса две сереньких небольших пичуги – пение их было затяжным и сладким, Широков даже взбодрился, словно бы получил откуда-то свыше некий сигнал.

Карп – это не сазан, конечно, он тоже может обрубить снасть, но неприятностей приносит меньше, чем сазан.

Сазаны способны и в вентерях прорубать дыры, и невода резать, и перепрыгивать через натянутые верхние края сетей – уходят от опасности по воздуху. Да потом среди них попадают такие кабаны, что могут даже перевернуть лодку и делают это легко и с удовольствием.

Выволок Широков карпа на берег, оглушил рукояткой ножа и, глядя, как здоровенная рыба – вес ее был килограммов пять, не меньше, – зябко шевелит хвостом в забытии, уселся рядом, свесил с коленей усталые руки.

Карп, словно бы почувствовав его, захлопал жаберными крышками заголошн, Широков добавил ему еще пару ударов рукояткой, и рыбина стихла.

А в камышах продолжали веселиться две голосистые птички. Вообще-то в жестких, издающих режущие звуки зарослях живет, как слышал Широков, один вид птиц – камышовки... Наверное, это и были камышовки, поселившиеся в здешней гряде недавно, раньше их тут не было.

Неожиданно вновь зарычал Серый.

Широков подумал, что того беспокоят камышовки, произнес успокаивающе:

– Тихо, Серый!

Серый не послушался его, поднялся на лапы и зарычал сильнее – Широков понял, что пес не просто на кого-то реагирует, он отпугивает от хозяина неведомого зверя. Может, камышового кота?

Повернул голову и чуть не врос ногами по колено в землю – в каком-то метре от него поднялась в боевую стойку змея и недовольно поворачивала голову то в одну сторону, то в другую, словно бы не знала, кого первым клянуть – то ли человека, то ли собаку.

Хоть и обладал Широков неплохой реакцией, – среди пограничников вообще славился быстротой соображения, а тут от ощущения опасности, с которой в последнее время почти не сталкивался, он словно бы онемел, не успел сделать ни одного, даже малого движения, как пес метнулся вперед.

Через мгновение он уже держал змею зубами за низ головы. Рот змеи был распахнут, розовый зев перечеркнут темным влажным язычком, ядовитые зубы, похожие на кривые, остро наточенные гвозди, обнажены.

Пес опередил змею на краткий миг – пресек гибкий стремительный бросок. Широков взгляделся в рептилию и едва не похолодел – очень уж похожа на гюрзу... А может, это действительно гюрза?

Хвостом своим змея бешено молотила по земле...

И все-таки это была печально известная гюрза, которая нападала в горах на пограничников.

– Действительно, гюрза, – проговорил Широков изумленно. – Откуда же ты приползла сюда?

Гюрза заведенно била хвостом по траве, по округлому влажному камню, твердым мозолем выступающему из зелени, но быстро слабела. Серый уже почти перекусил ей шею, – вот змея уже обвяла, ослабла совсем, прошло совсем немного времени, и она перестала бить хвостом, только крутила им.

Широков приподнялся, схватил нож, лежавший под ногами, и ловким точным движением секанул змею по телу, целя ей под голову. Дергающаяся серая веревка с подтеками крови отвалилась в сторону. Но умирать не хотела – извивалась, спетливалась в кольца, жила своей жизнью, отделенной от головы. Широков потянулся, вновь секанул лезвием по телу змеи. Затем секанул еще раз. И еще.

Каждый обрезок змеиного тела ворочался, дергался, дрожал напряженно, пытался куда-то уползти, жил отдельно от остальных частей, и так будет жить, как знал Широков, до полного захода солнца. Лишь поздно вечером, в холодеющем сумраке, обрезки эти перестанут шевелиться и умрут окончательно. А вот голова змеиная с закушенным черным язычком уже была мертва.

– Молодец, Серый! – похвалил пса Широков. – Можно сказать, спас мне жизнь... Да не «можно сказать», а точно спас, – Широков погладил пса по голове, прижал его к себе.

Все змеи боятся людей, уползают при виде человека, либо треском, стрекотом, шипением предупреждают: не подходи, – а гюрза – единственная змея, которой чужды эти условности: она нападает на человека без всяких предупреждений, а уж чтобы попытаться уйти от двуногого «венца природы» – такое ей даже в голову не приходит.

Более гадкой змеи на свете, чем гюрза, Широков не знал, – не было таких...

Он отдышался, поглядел по сторонам: нет ли где еще одной гюрзы? Ведь змеи в одиночку не перемещаются, – передвигаются семьями и живут семьями. Значит, жди появления второй змеи – это как минимум, а если у них есть еще и дети, то жди появления и деток. Гюрза обязательно захочет отомстить за убитую напарницу, – или напарника, – это как пить дать.

Покинуть речной берег, неожиданно сделавшийся опасным, и не поймать больше ни одной рыбехи – это было не в натуре Широкова, он бы остался здесь, даже если по его ногам уже ползали змеи, и поймал бы еще пару рыбин.

Уход с реки – это поражение. С другой стороны, Широков научился с одинаковым уважением относиться и к победам, и к поражениям. У одного хорошего поэта он прочитал, что и успеху и неудаче цена одна, важно это понимать... Фамилия того замечательного поэта – Киплинг, в жизни Киплинг, судя по всему, повидал все...

Ладно, хватит рассуждений, пора браться за удочку – вон, река сплошь покрывается кругами – это рыба ловит комаров. Надо самому заняться тем же – добытчицким делом.

Отныне ведь у его кошелька два едока – он сам и Серый. И обоих надо накормить. Плюс ко всему – и рыбы наловить, и укроп в горшке на подоконнике посадить, и сходить в заброшенный совхозный сад, засыхающий на окраине города, нарвать там груш для зимних компотов, завялить их с дымком, и связь с местным мясокомбинатом наладить, чтобы у Серого в миске всегда красовалась вкусная говяжья кость... Словом, несмотря ни на что, надо жить. Правда, при этом надо помнить, что есть не только хорошие люди, но и плохие, и их немало.

В камышовых зарослях запели еще несколько птиц, в воде отпечатался красный круг солнца, от света его и лес камышовый, и вода, и воздух, и комариные облака тоже сделались красными, у берега завозились, зачавкали сочно две крупные рыбы, лезвистые стебли резики, росшей у подножия камышовой стенки, затряслись – рыбы подбирали личинки, живущие в корнях резики.

– Прикрывай тыл, Серый, – велел Широков псу и закинул удочки – вначале одну, потом вторую.

Он поймал еще пять тяжелых, с литыми телами карасей и одного соменка килограмма в полтора весом, неведомо как выплывшего на простор протоки – сомы в это время обычно сидят в ямах и только ночью, в непроглядной темноте выходят на промысел, – и уже собирался сворачивать снасти, как сзади вновь зарычал Серый.

Широков схватился за нож – понял, почему ожил пес: вновь пришла змея. Похоже, пока Широков не был на делянке, пустующее место его постарались занять змеи. Неужели опять гюрза?

Гюрза. Вторая гюрза была крупнее первой, Серый рычал и пятился от нее. Широков стремительно шагнул вперед, перекинул нож из правой руки в левую – только лезвие блеснуло огнем в красном свете вечера, – змея среагировала на ложное движение, ушла в нижнюю стойку, – пятнистое тело ее излучало шаманское мерцание, – и сделала бросок.

Цели не достигла – Широков изловил ее на лету, ухватил рукой под голову и приподнял. Хвостом змея доставала до земли. Широков сдвигал пальцами ее тело прямо под твердым комком головы.

Но удушить змею сложно, скорее задохнешься сам, Широков, напрягаясь, стиснул зубы, краем глаза засек, как Серый ухватил гюрзу за хвост и оттащил чуть назад. Тело гюрзы натянулось, как бельевая веревка.

Изогнувшись, Широков полоснул снизу ножом по этой веревке, с одного раза не перерезал, полоснул вторично, но в то же место не попал, ощутил, что пальцы его сделались липкими от змеиной крови... Стиснув зубы, сипя, он перепилил змеиное тело.

Верхний обрывок гюрзы вместе с головой остался у него в руке, – это была длинная упругая кишка, – остальное Серый оттащил в сторону.

Из руки Широкова капала темная густая кровь – тело змеи словно бы было переполнено этой тягучей жирной жидкостью. Широков коротким движением, без размаха, отбросил змеиную голову с шевелящимся обрезком тела в воду.

На шлепок тут же кинулась какая-то рыба, гулко хлопнула хвостом по воде. Вполне возможно, что это также был сом, только сомы могут издавать такие громкие хлопки.

Было уже темно, хотя воздух еще не пропитался ночными чернилами, солнце закатилось за кромку горизонта – лишь узкая красная полоска светилась недобро над землей, но пройдет минут десять – пятнадцать и полосы этой не станет.

Сомы обычно любят выходить на перекаты, где крутится, шустрит мелочь, и бьют по воде хвостами, будто пастухи своими бичами, удары их бывают похожи на выстрелы, – так сомы глушат молодь, – а потом спокойно, с удовольствием заглатывают ее вместе с водой...

Но время сомовьего разбоя еще не наступило. Тогда кто же открыл «стрельбу»?

Серый быстро пошел на поправку (поездка на реку сыграла свою роль), вскоре пес вновь почувствовал себя сильным, каким был когда-то.

После реки Широков начал выпускать Серого во двор. Пес ходил по двору осторожными недоверчивыми шагами, словно бы измерял длину забора, всех его частей, принюхивался к воздуху, к земле, косо поглядывал на старые сливы, растущие у стен дома, и думал о чем-то своем.

За сливами Анна Ильинична следила тщательно, поливала их в сухую пору года, подкармливала удобрениями, часть урожая продавала на рынке, оставшееся пускала на варенье.

Варенье она любила больше всего на свете, больше мясных и рыбных блюд, на второе место после сливового варенья ставила густой борщ с чесночными пампушками, все остальное в ее продуктовом и поварском репертуарах занимало последующие места.

Иногда во взгляде Серого возникала тоска – жгучая, причиняющая ему боль, лапы неожиданно слабели, и он ложился брюхом на землю, клал на землю и голову, передние лапы как-то по-детски трогательно поджимал под себя и затихал.

Было понятно: Серый в очередной раз переживает то, что уже пережил, – он никак не может прийти в себя и раз за разом прокручивает в цепком собачьем мозгу страшные картины из недавнего былого... По телу его бежит дрожь, в глотке дребезжит, перекачивается с места на место рубленый свинец, следом за дребезжаньем раздается тихий слезный скулеж.

Глаза у Серого делаются влажными, потерянными, как у человека, лишившегося своих родных, но потом все проходит, и пес поднимается с земли.

При виде лежащего пса у Широкова почти всегда – вопреки желанию, невольно, – возникает мысль, что он тоже похож на Серого, так же одинок и ему бывает так же плохо... Наверное, надо снова возобновить попытки отыскать Дарью. В нынешнее компьютерное время это сделать проще, чем десять лет назад... Вдруг повезет?

Человек – существо, которому обязательно подавай улучшенное завтра, он никак не может остановиться на том, что есть сегодня и удовлетвориться этим, не-ет... Широков не был исключением из правил.

Дарью он помнил очень маленькой, какой видел ее в последний раз, такой она и сохранилась в памяти Широкова. А с поры той прошло столько времени, что... что не сосчитать, в общем. Впрочем, сосчитать, конечно, можно, да вот только не хочется.

Дарья, Даша, Дашка... Очень симпатичная была девчушка, этакая рождественская куколка – все, кто видел ее, влюблялись. Уже научилась бойко говорить, знала несколько английских слов, щебетала весело – остановить было трудно... И вот вместо жизни – немота.

В глотке при мысли о маленькой Дашке невольно появлялась горечь. То ли слезы это были, то ли тоска, превратившаяся в горький сгусток, то ли боль, что как и прошлое, никак не могла уйти из его тела...

Надо попытаться вновь найти Дарью. Пусть это будет шестая или седьмая попытка – попыткам этим он потерял счет... Если не получится, он сделает восьмую попытку, за восьмой девятой, – и так до тех пор, пока он не узнает, жива она или нет?

А если действительно осталась жива, то где находится?

Кроме поисков Дарьи Бессараб у Широкова было еще одно непроходящее беспокойство – работа. Надо было найти себе работу. Но работы не было – Широков не мог устроиться в их городе ни дворником, ни посудомойкой, ни учителем физкультуры, ни боцманом на ржавый катер, стоявший у деревянного причала, он даже бомжом не мог стать – его бы тут же прихлопнула суровая местная милиция, которую, как он слышал, собираются переименовать в полицию.

Пустая трата денег, да недовольный ропот стариков, помнивших войну и немецкую оккупацию. Кто такие полицаи, в городке их знают до сих пор, иногда обсуждают – нет-нет, да и возникают такие разговоры. Зло люди вообще помнят дольше, чем добро.

Помнят, как полицаи лютовали, как ладились под немцев, как выгребали из домов последнюю еду с питием – выпивку и продукты они ценили выше всего, – как до смерти заполюрили шомполами двух раненых красноармейцев – много чего было за полицаями... Не верилось, что милиционеры, родные отечественные менты будут теперь называться полицаями... За что такое унижение? Это же оскорбительно, как простые вещи не понимают там, наверху?

В общем, найти работу было трудно, может, даже невозможно, но Широков поисков не прекращал – рассчитывал на удачу.

Так и шли дни.

Он написал еще три бумаги насчет Дарьи Сергеевны Бессараб, отправил в три разных адреса – верил, что в конце концов поиск увенчается успехом. Бумаги послал в Москву.

Серый окончательно встал на ноги, рваная морда его зажила, заросла волосом, правда, новая шерсть была светлее старой и здорово выделялась – физиономия у пса получилась «товаром в клеточку», хоть в кино показывай.

Оторопь, внутренняя боль, онемение, возникшие в Сером после собачьего ринга, прошли, хотя и не забылись, он поспокойнел, поглядывал на нового хозяина с пониманием, в гла-

зах его, в далекой глубине, рождалось тепло, и он склонял перед Широковым голову – похоже, благодарил... Хотя благодарить было не за что – так считал Широков.

Как-то Широков вышел на улицу – к забору надо было прибыть пару планок, подправить изгородь Анны Ильиничны, – следом за ним вышел и Серый.

Не успел Широков замерить дыры, которые наметил ликвидировать, как из дома напротив показался дядя Ваня. Вежливым движением приподнял картуз:

– Здорово, пограниц!

– И тебе не хворать, дядя Ваня. Чего не на рынке?

– Рынок сегодня выходной. Да и напарник у меня чего-то... – дядя Ваня стащил с головы свой «фирменный» картуз, поскреб пятерней лысый череп, это словно бы некий сигнал был – на улицу вышел Квазимодо, – лениться чего-то начал, – закончил речь дядя Ваня.

Серый как увидел дядиваниного напарника, так и поставил торчком уши на своей лобастой голове – никогда не видел разноцветных котов.

Квазимодо сделал вид, что удивления пса не заметил, зацепился хвостом за ногу хозяина, мурлыкнул что-то озабоченно и одновременно протестующее – он разумел человеческую речь и обвинений в лентяйстве не принимал.

– Слышал, сосед, милицию переименовали в полицию? – дядя Ваня снова поскреб пальцами лысину.

– Да вроде бы нет пока. Еще только собираются... Размышляют.

– Новости слишком поздно доходят до тебя, сосед – уже переименовали, сегодня утром указ вышел.

– Тьфу!

– Я тоже так считаю – тьфу! У нас в войну немцы были, – хотя и недолго, но были, у Анны Ильиничны, в частности, стояли. Вернее, не у нее самой, а у матери, Анна-то Ильинична еще соплюшкой была, а у матери на руках гнездились четверо детей: двое своих и двое – родного брата, которого вместе с женой-медичкой забрали на фронт. Как-то солдаты немецкие решили отнять у нее корову и отвести к себе на кухню – свежего мяса им захотелось. Это увидел офицер и надавал солдатам перчаткой по физиономиям.

– Немцы разные были, – аккуратно проговорил Широков.

– Как, собственно, и наши...

Широков знал, что мальчишкой дядя Ваня был в партизанах, ходил в разведку, добывал сведения для командира отряда, за что был награжден медалью.

– Немца можно было обмануть, притвориться, а нашего полицая – фиг с маслом, – сказал дядя Ваня, – обязательно придерется и задержит. Когда фрицы пришли к нам в город, их хлебом-солью встречал Хрипатый – был у нас такой, его потом назначили старшим полицаем и направили охранять местный концлагерь... Небольшой, правда, концлагерь, но был. Так полицайи Хрипатого издевались над нашими пленными больше немцев, понял, сосед? А когда немцы ушли под натиском наших, полицайи продолжали лагерь охранять... Тут их и накрыли. Часть, в том числе и Хрипатого, расстреляли, часть отправили за колючую проволоку.

– Так они потом всем скопом попали под амнистию и вышли на свободу, – вставил Широков. – Последние – в пятьдесят третьем году.

– Не просто вышли, а заняли в нашем городе ведущие посты – кто-то стал директором рыбопроизводного завода, кто-то возглавил собес, кто-то речной порт, кто-то отдел народного образования – вылупились все, как курята из яиц, все оказались на поверхности. – Дядя Ваня сжал пальцы в кулак и, плюнув внутрь, опечатав кулаком воздух. – Яша, дядя Анны Ильиничны, вернулся с фронта изуродованным, на костылях, так он, ежели задерживали пенсию, кричал на заведующих собесом и почтой: «Жаль, недодали вас, полицаяев сраных, в войну, и не поставили к стенке! Мироеды, хвосты немецкие!» – и ругался, костылями крушил пальмы в кадках... А сейчас вона как дело поставили: полицайи или кто-то из их потомков дошли до

самого верха, раз слово «полицай» в России взяли да узаконили, – дядя Ваня вновь плюнул в кулак и мазнул им, как тяжелой кувалдой, по воздуху.

Вздыхнул и печальной скобкой согнул рот – он не понимал, что происходит. Впрочем, отставной капитан Широков тоже не понимал.

А Квазимодо тем временем сделал несколько шагов к Серому. Обычно в таких случаях псы, аккуратно поджав хвосты под зады, пятились от кота – опасались острых когтей, но Серый даже с места не стронулся. Кот озадаченно подергал усами – такого он не ожидал.

Более того, пес придвинулся к Квазимодо, и тот, пугаясь, выгнул спину кренделем, зашипел: у Серого были крупные клыки – любые когти в полминуты перемелет в крошку.

Но у пса не было худых намерений, он улыбнулся тихо, зашевелил хвостом, будто опахалом. Квазимодо все понял и перестал шипеть – похоже, с этой собакой, внезапно поселившейся на их улице, можно будет установить добрые отношения. Точно! Можно будет договориться по всем вопросам.

Кот, внезапно сделавшийся задумчивым, стал походить на депутата Государственной думы – у тех часто бывают такие многозначительные физиономии. Да почти всегда, если они находятся на людях.

Квазимодо сделал несколько крохотных шагов и понюхал Серого – нос к носу, почти прижался к псу, не боясь никаких осложнений. Дядя Ваня удивился, шумно завздыхал, засопел, стер с глаз крохотные колючие слезки.

– Надо же! – воскликнул он громко. – У Квазимоды никогда такого не случалось... Чтобы он с первого раза решил подружиться с собакой – нет, такого не было.

Потрепав пса по голове, Широков похвалил его:

– Молодец, Серый! Ты прав – маленьких нельзя обижать. Так держать!

– Слышь, земля, – продолжил свою речь дядя Ваня, – мы можем вместе, объединенной компанией, выступать на рынке, ты с Серым, я с Квазимодой. Серому сунем в пасть корзинку, в нее будут сыпаться денежки, я их буду складывать в шляпу, а Квазимодо станет контролировать процесс и привлекать клиентов плакатом «Подайте на пропитание двум обнищавшим членам ООН!» А? Хорошая мысль?

– Хорошая. Только я, дядя Ваня, все-таки попробую найти работу. А вдруг?

– Никаких «вдруг» не будет, не надейся, земля. «Вдруг» может быть в Махачкале, в Баку, в Москве с Питером, в Бердичеве со Жмеринкой, но только не у нас. Такова наша доля...

Незаметно, будто бы подкравшись со спины, пришла зима. Из недалеких степей принесли ветры. Здешние ветры – злые, студёные, они дули тут и в старину, во времена Стеньки Разина, и еще раньше, и с тех пор не менялись, могли в степи налететь на человека, сбить его с ног, накрыть сугробом и не выпустить из плена. Более того – могли легко свалить лошадь.

С ветрами принесся и колючий, хрустящий, как речной песок, снег, засыпал, заровнял все канавы и ухабы на дорогах, поразбрасывал в разные стороны полоротых ворон, загнал в норы лисиц и волков, принарядил улицы их небольшого города – все кругом стало белым, праздничным.

Белый цвет всегда рождает в душе человека возвышенные чувства, надежду, наделял жизнь торжественностью, люди ощущали невольный подъем, – ощутил такой подъем и Широков, у него неожиданно возникло чувство, что все в его дальнейшей жизни должно сложиться так, как обычно складывается у всякого другого человека... А у нормального человека беды чередуются с удачами, черный колер с белым, сладкое с горьким, глубокое с мелким, радость с печалью, победы с поражениями, – в общем, все плотно, тесно перемешано, сбито в одну творожную кучу. Из таких вещей и состоит наша жизнь.

Серый часто задира голову, чуткими дульцами ноздрей ловил запахи, приносящиеся из степи, начинавшейся за крайними домами их города, прислушивался к звукам, приходящим оттуда, и иногда жалобно скулил. Тихо, затажно, с горькими нотками.

Было понятно, что когда-то он, – возможно, в щенячью пору, – жил в степи, гонял с пастухами овечьи отары, приставал к верблюдам и лошадям, облаивал незнакомых зверей, но в споры с ним не вступал, цеплял зубами баранов за курдюки и думал, что такая вольная жизнь будет у него всегда.

Но что-то в этой собачьей судьбе не срослось, поехало в сторону, криво, в жизни его появился новый хозяин – не самый лучшей породы человек, который и приволок Серого на собачью бойню. Не окажись Широков случайно в том галдящем загоне и не купи окровавленного Серого по цене «вторсырья» – вряд ли бы пес вылез из той передраги.

Но – повезло. Хорошо, что в жизни иногда возникают положительные «но», не все «но» – отрицательные.

Вышел утром Широков из дома, потянулся, разминая суставы, видит – Серый сидит у забора и сквозь щели в планках внимательно рассматривает пространство. Широков нагнулся над Серым, пытаюсь засечь, что же тому видно, наклонил голову понимающе: заборная щель выходила точно на прогал, образованный стенами двух домов, а сквозь прогал была видна заснеженная степь.

– Эх, Серый, Серый... – только и смог сказать Широков.

А что еще он мог сказать? Пообещать, что и на его улице будет праздник, и он его обязательно разделит с Серым? А если этот праздник не придет? Он ведь действительно может не прийти, если дорогу к свету, мерцающему в конце тоннеля, перекроют разные Бузовские, человечьи и собачьи...

Белая полоска степи, уходящая вдаль, в безбрежное пространство, влекла к себе пса – ведь где-то там, в далеком-далеке остались люди, которые были дороги Серому...

Вот только где они остались, кто скажет?

– Не надо, Серый, – попросил Широков собаку, – не тоскуй... Перетерпи.

Серый покосился на человека, в горле у него задребезжал и тут же утих свинец – пес все понимал, только сказать ничего не мог.

– В степи мы с тобой побываем обязательно, – сказал ему Широков, подчеркнул, усилив голос, – обязательно побываем! – Пообещал: – Вдруг чего-нибудь найдем? Или кого-нибудь... А?

Днем пошел снег – густой, тяжелый, такой снег часто выпадает в России, в средней ее части, здесь же бывает редок, – воздух сразу сделался теплее, чище, под ногами начал раздаваться вкусный капустный хруст, острые очертания предметов, лежащих на земле, приобрели мягкую округлость, мир преобразился, стал иным.

Через полчаса, несмотря на то, что снег продолжал сыпать, хотя и разределся, на улицы города со смехом и обрадованными криками выбежали ребятишки, – ведь когда еще выпадет такой пушистый сказочный снег? – но, главное, из него можно лепить тугие комки и кидаться ими, играть в «войну».

Впрочем, игра в «войну» нагнала на лицо Широкова печальную тень – очень хотелось, чтобы ребятишки эти, когда вырастут, не ощутили бы на себе подлинную тяжесть и горечь этого слова и вообще не знали бы, что такое война. Не надо им слышать и вообще знать, как свистят пули.

Он неожиданно расстроено махнул рукой и скрылся в доме, хотя на улице было, на что посмотреть. Одни копающиеся в снегу ребятишки стоили того.

Серый не выдержал, помчался к ним – интересно было поваляться в снегу и вообще обрасти сосульками, всласть погрометь ими, как серебряными украшениями, колокольцами

или бубенчиками, почистить себе шкуру, пофыркать довольно, беря холодный белый пух в пасть, поиграть в прятки, даже подурачиться, что пес делал очень редко.

Дома Широков упал спиной на кровать, закинул руки за голову: как же ему жить дальше? Ведь он еще не старый, прошел только половину отмеренной ему дороги, надо идти дальше, а как? И зачем? Второе, может быть, даже главнее первого.

Без Ани, без работы, без родных людей – это не жизнь, а существование в одиночку, то самое, что Широков не очень-то и ценил. Может, уйти куда-нибудь в степь, лечь на снег, уткнуться головой в куст засохшей верблюжьей колючки и закрыть глаза? В сильный ветер, да в мороз его уже через полчаса не станет...

Захотелось уснуть. Широков натянул на лицо подушку – так он поступал, когда днем хотел забыться и немного отдохнуть, но мешал солнечный свет, – обхватил подушку одной рукой.

Лежал, не шевелясь, долго – то ли сон это был, то ли одурь, то ли еще что-то, не понять, – очнулся от того, что в комнату постучала Анна Ильинична. Открыв дверь, озабоченно пошмыгала носом-кнопочкой.

– К вам пришли, – сообщила она почему-то шепотом.

– Кто?

Анна Ильинична оглянулась и, утишив голос еще больше, – шепот сделался прозрачным, почти неслышимым, собрала губы в морщинистую щепоть.

– Очень интересная молодая женщина.

Широков ощутил, как у него в висках болезненно застучало сердце – бух-бух-бух, – в затылке сделалось горячо и тяжело, словно бы туда натек расплавленный воск или что-то еще, на воск похожее.

– Красивая женщина, говорите? – внезапно охрипшим голосом спросил он.

– Красивая, – подтвердила Анна Ильинична, вновь пошмыгала носом-кнопочкой.

Широков поднялся, оправил на себе одежду – ему показалось, что на нем сейчас надета привычная пограничная форма, на плечах – погоны, он покосился на одно плечо, потом на другое, погон там не было, и заторопился:

– Иду-иду... Сейчас буду!

В прихожей, около зеркала, на стуле сидела женщина с прической, чуть тронутой седью, скуластым лицом и большими синими глазами. Увидев Широкова, она поднялась со стула.

– Здравствуй, Олег, – неожиданно дрогнувшим, с сипотцей голосом произнесла она.

– Добрый день, – покосившись на окошко, проговорил Широков. – Разве мы знакомы?

– Я – Дарья Бессараб.

Широков почувствовал, как у него разом ослабли и начали подламываться ноги, чтобы не завалиться, – а ведь он действительно мог упасть, – ухватился рукой за угол стены, прошептал, едва шевеля разом побелевшими губами:

– Даша! Дашка!

Глаза у Дарьи заблестели, покрылись слезами, сделались маленькими, через мгновение из них брызнул целый ручей, потек по щекам.

Оттолкнувшись от стены, Широков продвинулся немного вперед, с досадой ощущая, что ему не подчиняется пространство, не подчиняется совершенно, уползает куда-то в сторону, – помотал головой и проговорил тихо, сдавленно:

– Я искал тебя, Даша.

– Один из ваш... один из твоих запросов нашел меня. – Дарья шагнула вперед, обхватила Широкова обеими руками, прижала к нему голову. Через мгновение всхлипнула, как девчонка, не удержалась и заплакала. Спина у нее задрожала, но Дарья быстро справилась с собой. – В конце концов я вышла на твое пограничное управление, там рассказали, что произошло, и назвали город, в который ты уехал...

Широков поспешно закивал, сглотнул соленый комок, внезапно образовавшийся у него в горле, погладил сестру по спине.

– Дашка! – проговорил сдавленно и благодарно. – Выходит, что не я нашел тебя, а ты меня.

– Разницы нет, – всхлипнув вновь, произнесла Дарья. – Главное... главное, мы нашлись.

Она достала из кармана куртки платок, на ощупь отерла себе глаза, щеки, промокнула нос. Оглянулась на большую клетчатую сумку, стоявшую у двери. Сумка была застегнута на яркую крупную молнию.

– Я привезла с собою кое-что из Москвы...

– Ты живешь в Москве?

Дарья отрицательно покачала головой, смежила ресницы, затем открыла, посмотрела Широкову в глаза, опять закрыла – не верила, что видит брата, как и брат не верил в то, что видит сестру.

– Нет, в Москве я делала пересадку, – сказала Дарья, – а живу я в Амурской области, на станции Сковородино, – она вновь отерла платком веки, – там у меня семья, муж и две дочери... Фамилия у меня двойная – Бессараб-Половцева.

– Дашка, Дашка... – только и смог выговорить Широков, поморщился, ощущая собственную тупость, ступорное состояние, в котором пребывал сейчас – в нем возникло внутреннее недовольство самим собою, возникло и тут же пропало. – Дашка... Неужели это ты?

В горле у него опять возник плотный теплый комок, он сглотнул его, стараясь пропихнуть внутрь, но из этого ничего не получилось, и Широков закашлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.